

Андрей Чернякевич
при участии Игоря Трусова

«НОВЫЙ СВЕТ» И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

2009

ББК 63.3 (4 БЕИ)

УК 94(47.6-4Гр)

Рисунки: Иван Русачек

Вёрстка: Владимир Лявшук

При оформлении книги использованы материалы сайта www.old.grodno.net

Чернякевич А., при участии Трусова И.

«Новый Свет» и его окрестности / Андрей Чернякевич, при участии Игоря Трусова. ..., ..., 2009. – с.

ISBN...

Представляемая читателю книга включает в себя цикл статей, которые выходили на страницах газеты «Вечерний Гродно». «Новый Свет» – это название квартала в Гродно, примостившегося между улицами Горького и Ожешко, всего в нескольких шагах от центра города. Авторы неспешно прогуливаются вдоль улиц «Нового Света», вспоминая их прошлое и историю населявших их когда-то людей. Всё вместе это создаёт галерею образов, новеллы, связанные общими корнями с этим интереснейшим районом старого Гродно.

«НОВЫЙ СВЕТ» И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

В названии одного из районов Гродно “Новый свет” – “Новый свет” воплотилось сразу многое. Тут и извечное стремление человека к счастью, и наивная, чуть высокомерная вера в то, что прошлое можно исправить, переписать с чистого листа. И, конечно, ирония: вот такой он наш “новый мир”, который уместился в нескольких улицах да закоулках.

В отличие от “Нового света” в Варшаве, район в Гродно с похожим названием гораздо моложе. Первые постройки появляются тут ещё в 1770-х годах при королевском подскарбии Антони Тизенгаузе, развернувшем грандиозное строительство на Городнице. Но настоящему “Новый свет” начинается только с конца XIX века, постепенно приобретая свои неповторимые, самобытные черты. Собственно говоря, история самого квартала берёт своё начало 24 июня 1875 года, когда к городу была присоединена территория вдоль границы бывшего “Станиславского ключа”. Позже район всё время рос, прибавляя улицу за улицей, главным образом за счёт земель имения Друцких-Любецких. Со временем рядом с дворцовым комплексом Станиславова появляются постройки в духе “кирпичной эклектики”, а между ними – дома в стиле модерна и неоготики. Но мечта о шумном, многолюдном квартале с широкими проспектами в обрамлении геометрически выверенных, расчерченных под линейку улочек, не суждено было сбыться, и эта часть Гродно навсегда сохранила едва уловимый оттенок городской окраины.

Настоящий строительный бум на “Новом свете” приходится на межвоенную Польшу. Повсюду обновляются фасады старых домов, высаживаются деревья в скверах и вдоль улиц. Основными архитектурными стилями этого времени были конструктивизм и сецессия,

а большинство жителей квартала составляли инженеры, учителя, чиновники, врачи да военные. Именно жилые дома в стиле конструктивизма и городские особняки стали приметой “Нового света” межвоенной поры...

Вот так, смешивая различные архитектурные направления и стили, “Новый свет” и приобретает неповторимые черты единого историко-культурного ансамбля. Его улицы с дворцами и магазинами, храмами и рынками чем-то напоминают бусины – мы идём от одной к другой, словно нанизываем их на невидимую нить. Иногда одна улица нам нравится больше, и мы снова и снова возвращаемся сюда, а другая навсегда остаётся в стороне от нас. Это лабиринт, который мы строим сами, но всё же и в нём есть свои правила. Рынок сменяет храм, магазин – другой магазин: лица, встречи, дела. Здесь всё привычно, пройдено сотню тысяч раз, а потому, может быть, просто и предсказуемо.

Но это кажущаяся простота. Стоит изменить маршрут, отойти от привычных линий и путей, как появляется новый узор, открываются новые горизонты. Одним словом, позвольте пригласить Вас отправиться по улицам «Нового света», разбавляя одну эпоху другой, одну судьбу примеряя с другой, играя в бисер, разгадывая замысловатый код этого места. Пока ещё не поздно...

...ОТ «КРЫЖОУ» НА «НОВЫ СВЯТ»

Наша прогулка по “Новому Свету” начинается у подножья бывшего королевского дворца Станиславово, на верхней террасе долины реки Городничанки.

Мы сворачиваем с привокзальной площади на улицу Тимирязева и оказываемся на прямой, которая когда-то связывала городской тракт с королевской резиденцией. Дворец нисколько не потерялся в современных новостройках, не лишился своего очарования и таинственности. Он всё ещё царствует и завораживает, правит в глубине липовой аллеи, загадывая, как старый сфинкс, свои загадки. Пока мы приближаемся к нему, Станиславово растёт, увеличивается прямо у нас на глазах в размерах, при этом не теряя ни своей лёгкости, ни элегантности.

О том, как первоначально выглядело Станиславово, можно представить себе по дошедшему до нас рисунку Наполеона Орды.

Дворец вместе с окружающим его парком был запроектирован Джузеппе Сакко в 1770-е годы как загородная резиденция короля Станислава Августа Понятовского, которому было суждено войти в историю последним монархом Речи Посполитой.

Главное место в планировке всего ансамбля занимал дворец, по обе стороны от которого располагались два флигеля с очень характерными высокими крышами. Центральная часть дворца была двухэтажной и зримо выделялась на фоне более низких боковых крыльев. На первом этаже располагался просторный бальный зал. Для того, чтобы подняться на верхний этаж, Джузеппе Сакко предусмотрел специальную лестницу, которая находилась справа от входа в

вестибюль, который, в свою очередь, украшала великолепная лепнина.

Хотя комплексу Станиславово, в отличие от иных его собратьев по эпохе, несказанно повезло и он сохранил свои прежние черты, время не обошло его стороной. Ещё в годы Первой мировой пошёл на дрова паркет художественной работы. В 50-е годы дворцу надстроили второй этаж. Тогда же почти полностью была изменена его внутренняя планировка. Прежняя лестница оказалась наглухо замурована. Вместо главного зала появились перегороденные стенками аудитории для студентов. В бывшем театральном зале от декоративных росписей с изображениями мифических героев, как и от лепнины не осталось и следа.

Станиславово на фотографии начала XX века.

Станислав Август Понятовский. Худ. Я.Х. Лампи

Снаружи, со стороны парка, на полукруглом эркере дворца ещё виднеется монограмма его бывшего владельца: три буквы S. A. R. – сокращённое от Stanislaus Augustus Rex (Станислав Август король), сплетённые вместе под короной (правда, в прошлом эти буквы были золочёные, а сегодня превратились под рукой халтурщика-строителя в нечто малопонятное...).

Другой “изюминкой” Станиславо-во является сохранившийся комплекс хозяйственных построек. Конюшни времён Джузеппе Сакко до нас полностью не дошли, так как эта часть королевской резиденции неоднократно перестраивалась в соответствии с растущими хозяйственными нуждами. Согласно инвентарю середины XIX века в имении Станиславово располагались каретная и конюшни. Позже к ним прибавились кузница и фабрика «коламази» – смазочного масла. Хотя, на наш взгляд, гармонии самого двора не в состоянии была нарушить даже водонапорная башня, появившаяся здесь уже в советские времена...

Комплекс хозяйственных построек Станиславово

Судьба Станиславова была во многом трагической. В 1797 году имение оказалось передано «за заслуги» российскому генералу Рубану, который в 1814 году продал его князю Франтишку Ксаверию Друцкому-Любецкому – знаковой фигуре в истории наших земель: с 1821 года князь Друцкий-Любецкий занимал пост министра финансов Царства Польского. В короткий срок ему удалось довести запасы польской казны до почти 70 миллионов злотых, благодаря чему во время восстания 1831 года польская армия оказалась вооружена лучше, чем царские войска. Большое внимание уделял князь также развитию промышленности и торговли, именно он составил первоначальный план Августовского канала, а Российская империя благодаря стараниям Франтишка Ксаверия оказалась просто наводнена польскими товарами. Уже на рубеже XIX-XX столетий владельцем имения стал князь Владислав Друцкий-Любецкий, трагически погибший в 1913 году.

Упадок некогда великолепной резиденции совпал с событиями Первой мировой войны. Правда, ещё в начале войны дворец принимал весьма знатных гостей. Здесь, например, останавливалось сразу несколько великих князей из императорской династии: Андрей Владимирович и Кирилл Владимирович – двоюродные братья Николая II, Дмитрий Павлович (который позднее принимал участие в заговоре против Г. Распутина), адмирал Александр Михайлович – «Сандро», близкий друг Николая II. Жил в Станиславово и граф Адам Замойский

Франтишек Ксаверий Друцкий-Любецкий

- позже видный деятель польской партии «реалистов».

Но уже вскоре всё изменилось. Весной 1915 года гродненский исправник Н. Бюффанов сообщал в своём рапорте вышестоящим властям: "...В три часа дня из неприятельского аэроплана над имением Станиславово Гродненского уезда брошены две бомбы, из коих одна упала во двор этого же имения, а другая – близ самой усадьбы. Обе бомбы разорвались, но от взрыва их никакого вреда людям и имуществу не причинено, лишь только на месте падения и взрыва их образовались в земле небольшие

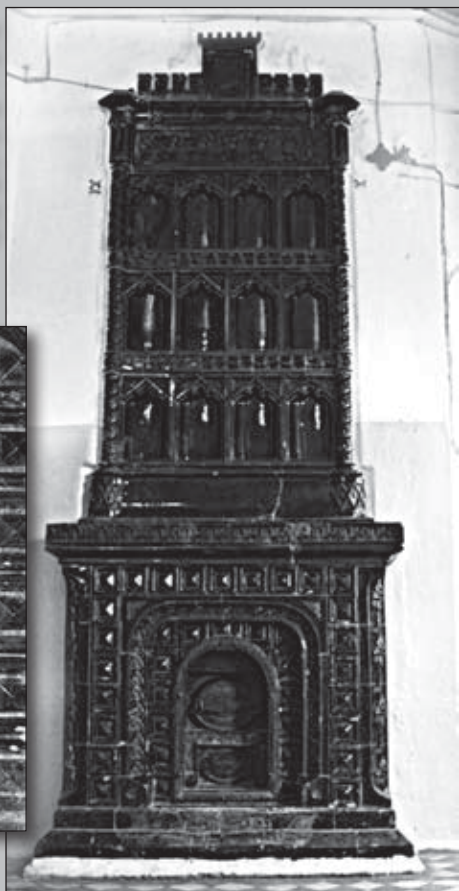
рытвины, судя по которым упавшие бомбы были незначительной величины“...

В конце апреля 1919 года в ожидании подхода регулярной польской армии в Станиславово забаррикадировался штурмовой отряд Польской военной организации, накануне разоруживший эскадрон белорусских гусар. Летом 1920 года во время польско-советской войны имение пробовал оборонять польский танковый взвод, защищавший подступы к центру города. Осенью того же года в парке за Станиславово польская следственная комиссия обнаружила несколько могил с расстрелянными большевиками заложниками из числа местных жителей. После Первой мировой дворец отошёл к Яну Друцкому-

Любецкому, по матери – Замойскому, который большую часть времени предпочитал проводить в Тересине под Варшавой. После 1939 года здесь обоснавался первый в Гродненском районе совхоз, а во время немецкой оккупации в королевском дворце расположилось Арбайтсамт – бюро по учёту и распределению рабочей силы. Именно здесь составлялись списки людей для вывоза на работу в Германию.

Летом 1944 года на высотах Станиславова немцы устроили внешнюю линию обороны Гродно. Вечером 15 июля к городу с севера прорвалась 6-я гвардейская кавалерийская дивизия корпуса Осликовского. Четыре эскадрона 25-го кавполка в темноте, прео-

И всё-таки, прогуливаясь по Станиславово даже сейчас, кое-где можно разглядеть отблески былого великолепия – достаточно захотеть. В вестибюле дворца, например, сохранились уникальные печи в неоготическом стиле, выложенные из поливных изразцов. Их внешний вид внушает неподдельное восхищение!

долевая сопротивление врага, вышли к Городничанке. Следом за дело взялась пехота. После артиллерийской подготовки Станиславово атаковал полк под командованием подполковника А. Булавко. Бой продолжался четыре часа. Бывшим именован удалось овладеть лишь после того, как рота автоматчиков обошла его с флангов и внезапно ворвалась с двух сторон. И до сих пор земля вокруг дворца хранит память о тех сражений – осколки снарядов, пули, гильзы...

После войны в Станиславово размещался мощный радиоузел. Потом сельскохозяйственный институт – ныне аграрный университет...

Однако это ещё не конец нашей прогулки по Станиславово. На месте бывшего регулярного парка с «лабиринтом» из грабов сейчас сквер, а своеобразным его дополнением является расположившийся через дорогу дендрарий рядом с главным корпусом аграрного университета. Пройдя под липами парка на улицу Терешковой, мы оказываемся на высоком плато, с которого открывается одна из самых красивых панорам Гродно.

Совсем недалеко от дворца расположилась деревня Подкрыжаки, высокий придорожный крест-оберег которой давно уже стал частью городского пейзажа. Сохранилась легенда, будто на этом месте нашёл своё последнее пристанище смертельно раненный один из гродненских гимназистов-повстанцев 1863 года. Сломленная горем мать, похоронив сына, поставила в его память крест, а рядом построила небольшой домик. Отсюда, по преданию, и произошло название деревни.

На самом деле, скорее всего, на пригорке на «намоленном» предками-язычниками месте когда-то во время крещения были установлены кресты («крыжы»). Отсюда и взялись «Подкрыжаки». Кстати, первое название близлежащей деревни Малая Каплица – «Перехрыстовичи», известное с XVI века, также свидетельствует о состоявшемся когда-то крещении наших пред-

Перед дворцом восседает в кресле грустный старик, в котором только пытливым прохожий узнает Мичурина* – человека заслуженного для селекции, но совершенно чуждого для Станиславово.

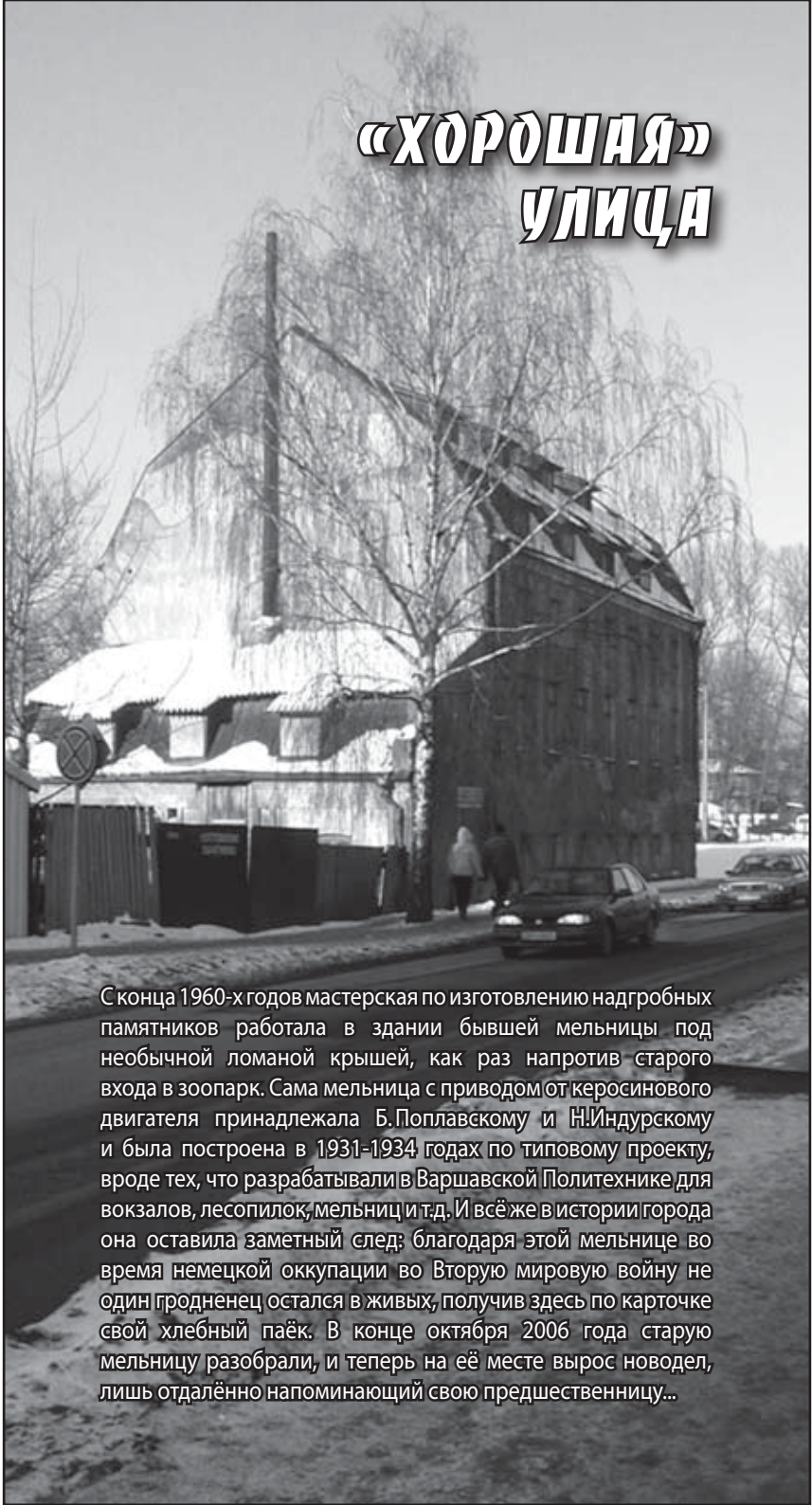
ков. До проведения реформы королевских экономий вся эта местность относилась к землям Сухого Села, а в 1775 году были выделена в самостоятельную хозяйственно-административную единицу – «Станиславовский ключ».

Здесь, внизу, на равнине между деревнями Подкрыжаки, Кульбаки и Каплица из сливня несколькоких, сейчас уже канализованных ручьёв и берёт своё начало река Городничанка, чтобы, долго потом петляя по городу, достичь, наконец, Немана. Вот они – истоки «Нового Света», как впрочем, и самого Гродно, его начало, начало его кода.

* Иван Владимирович Мичурин (1855 – 1935) — русский биолог и селекционер, автор многих сортов плодово-ягодных культур, доктор биологии, заслуженный деятель науки и техники, почётный член АН СССР (1935), академик ВАСХНИЛ (1935). Награждён орденами Св. Анны 3-й степени (1913), Ленина (1931) и Трудового красного знамени.

Если спуститься
от Станиславово
вниз, то мы
окажемся на улице
Кохановского,
названной
так в честь
гродненского
педагога и
общественного
деятеля,
основателя
городского
зоопарка,
трагически
погибшего во
время Второй
мировой. У этой
улицы, однако,
были и другие
названия –
Станиславовская,
Krzyżaki,
Gutsstrasse
(с немецкого,
буквально –
“хорошая улица”),
Учхозовская...

«ХОРОШАЯ» УЛИЦА

С конца 1960-х годов мастерская по изготовлению надгробных памятников работала в здании бывшей мельницы под необычной ломаной крышей, как раз напротив старого входа в зоопарк. Сама мельница с приводом от керосинового двигателя принадлежала Б.Поплавскому и Н.Индурскому и была построена в 1931-1934 годах по типовому проекту, вроде тех, что разрабатывали в Варшавской Политехнике для вокзалов, лесопилок, мельниц и т.д. И всё же в истории города она оставила заметный след: благодаря этой мельнице во время немецкой оккупации во Вторую мировую войну не один гродненец остался в живых, получив здесь по карточке свой хлебный паёк. В конце октября 2006 года старую мельницу разобрали, и теперь на её месте вырос новодел, лишь отдалённо напоминающий свою предшественницу...

При содействии Товарищества любителей природы город передал под зоопарк велотрек по улице Станиславовской....

Улица Кохановского была бы ничем не примечательной, перегруженной транспортом магистралью, если бы не ряд кирпичных домов по её нечётной стороне. Этим одноэтажным домам с характерными чертами эклектики уже перевалило лет за сто. Правда, относились ли они к фольварку князей Друцких-Любецких, либо предназначались для служащих железной дороги Санкт-Петербург – Варшава, сказать сейчас трудно.

На бывшей Станиславовской когда-то находилась кузнечная мастерская Качанов. Это именно они «оформили» большую часть гродненских балконных оград XIX века, на многих из которых до сих пор остался их фирменный знак на прямоугольнике из оцинкованного железа. Сам Василь Качан был резчиком по камню, а его сыновья, Андрей и Осип – кузнецами. Из-под их рук вышли также оригинальные ограды, металлические кресты. Но вершиной творчества этой семьи является «железная» каплица на православном кладбище, которая сохранилась до сих пор.

Впервые проект создания местного велосипедного товарищества появился ещё в 1893 году, однако, статут товарищества был зарегистрирован только пять лет спустя. Со временем гродненское товарищество приобрело общеспортивный характер и в 1909 году было переименовано в «Общество содействия физическому развитию». С этого времени оно стало проводить различные спортивные игры (лаун-теннис, футбол, кегельбан, крокет), катание на коньках и занятия гимнастикой, туристические походы. На городском велотреке проводились ежегодные соревнования, в том числе по мастерству владения велосипедной ездой.

Улица Кохановского – это ещё и напоминание о городском зоопарке. Первоначально в 1926 году Ян Кохановский заложил биологический сад, в котором спустя два года появились первые клетки с животными. Вскоре при содействии Товарищества любителей природы город передал под зоопарк велотрек по улице Станиславовской. 7 сентября 1929 года прошло переселение животных на новое место (всех, кроме бобра – для него не успели построить бассейн).

Первым директором зоопарка стал полковник запаса Адамович. На 1936 год Гродненский зоопарк насчитывал 400 экспонатов, среди которых были даже тигр, лев, леопард, но настоящей любимицей публики оставалась обезьянка по имени Коко, которая свободно разгуливала за пределами вольеров. *“Koko, chodź na magistracką zupę”* – звали её маленькие посетители зоопарка и угощали сладостями.

Во вторую мировую зоопарк оказался разрушенным, а те из животных, которые не погибли, были вывезены в Восточную Пруссию, в зоопарк в Кенигсберге. Легенда сохранила историю о “плачущем зубре” из Гродно, в которую почему-то так легко поверить. Попав на новое место, зубр так тосковал по дому, что у него из глаз падали слёзы, будто он плакал о потерянной Родине, чем немало удивлял «сентиментальных» немцев.

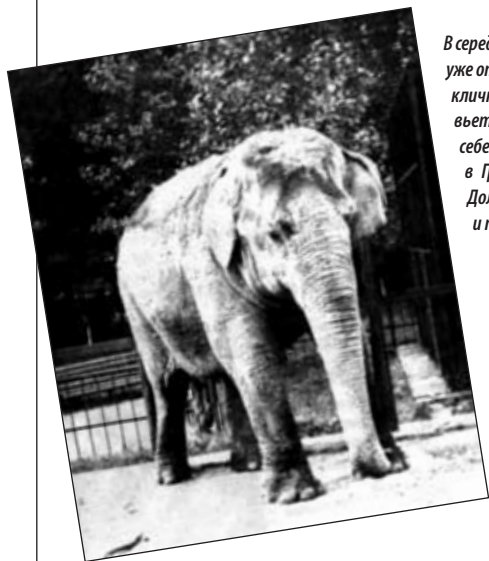
Зоопарк возобновил свою деятельность постановлением облисполкома от 12 декабря 1944 года. Первым его послевоенным директором стал Б.Жиромский.

Уже через пять лет здесь было около 200 различных животных, главным образом, представителей местной фауны. Были и свои потери: в 1950 году зоопарк потерял несколько обезьян, фламинго, дикобраза... В этот период зоопарк рассматривался властями главным образом как “научно-просветительская организация, которая проводила пропаганду природоведческих знаний среди широких масс трудового населения”. Служащие зоопарка включались в соцсоревнования, при зоопарке работал кружок по изучению биографии В. Ленина, а городской обком партии поставил перед трудовым коллективом задачу “сделать зоопарк центром пропаганды мичуринской ботанической науки и зоотехнических знаний”.

Даже приобретение новых животных не обходилось без влияния политики: в июне 1953 года московская контора “Зооцентр”, которая централизованно занималась комплектацией советских зоопарков, получила из “братского” коммунистического Китая большую партию экзотических животных,

Школьная экскурсия в Гродненском зоопарке. Фото середины 1930-х гг.

В середине 50-х годов гродненский зоопарк в качестве подарка, но уже от дружественного вьетнамского народа, получил слона по кличке Машка. До этого слон «служил» тягловой силой в рядах вьетнамской Народно-освободительной армии и перевозил на себе оружие и боеприпасы. Машку сменил слон Сурак, которого в Гродненский зоопарк привезли в 1964 году из Лейпцига. Долгое время он оставался единственным слоном в Беларуси и прожил в зоопарке около сорока лет.

кое-что из этого приобрёл и Гродно. В 1953 году кандидат ботанических наук Н.Иоффе предложил зоопарку показывать морских рыб, приспособленных к жизни в пресных водах, а уже через два года здесь появился и свой слон, занявший вольер, в котором раньше обитали обезьяны. Тогда же появился и мостик через Городничанку и водопровод в аквариуме-террариуме. Вскоре зоопарк купил шимпанзе, которая по популярности на десятилетия заменила собой знаменитую Кoko.

14

...Несколько лет назад началась грандиозная стройка, которая должна будет многократно увеличить территорию зоопарка, ставшую слишком тесной для животных. Жаль только, что строители подчистую вырезали "аллею Любви", отделявшую зоопарк от пустыря за его стенами и которую так просто рассмотреть на довоенных гродненских картах. А аллея Любви не помешала бы ни зоопарку, ни городу. Любовь всё-таки...

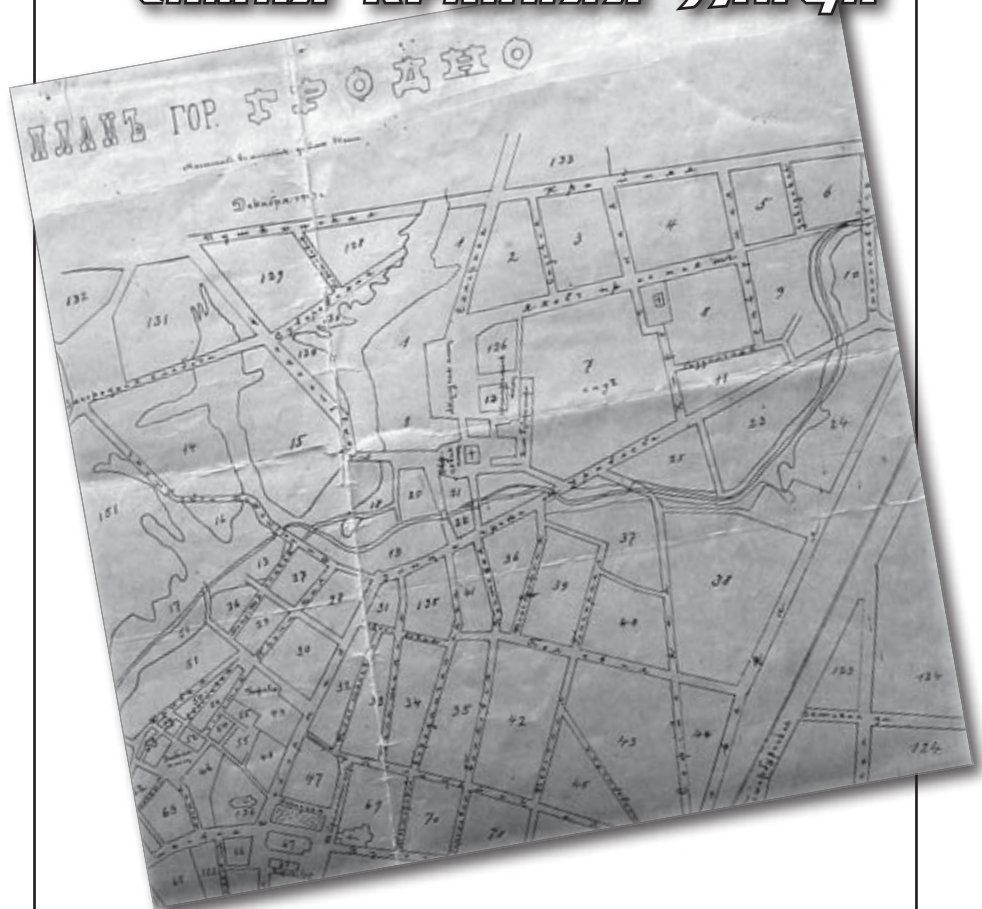

Аллея любви.
Aleja miłości.

Гродно

Grodno

САМАЯ КРАЙНЯЯ УЛИЦА

В своё время улица 17 сентября поменяла несколько названий. Была она и улицей *11 listopada* в честь дня независимости II Речи Посполитой, и *Molders strasse*. Но все они звучат не так красноречиво, как первоначальное название – улица Крайняя. Правда, ещё в начале XX века улица Крайняя была почти наполовину короче сегодняшней 17 сентября и заканчивалась надо рвом ручья Юридика сразу за военным госпиталем. Дальше, за ручей шла уже улица... Пушкинская.

До 1919 года имение Станиславово к Гродно не относилось, и в городские границы его включили только накануне выборов в городской совет с единственной целью: уменьшить за счёт народных избранников от местного христианского населения долю выбранных депутатов-евреев. Но и много позже за теперешней улицей 17 сентября простирались городские окраины. Фактически ещё с конца XVIII века здесь проходила граница, отделявшая городские владения от Станиславовского ключа.

Хотя, на первый взгляд, отпечаток прошлого на улице 17 сентября и менее заметен, заурядность этой улицы кажущаяся. Ведь это тут, в районе перекрестка улиц Станиславовской и Крайней, в 1886 году при земляных работах были найдены останки мамонта. Прямо напротив, на месте автостоянки, в начале XX века находились казённые винные склады, откуда алкоголь из рук государственной монополии поступал в винные лавки и частные склады. В Первую мировую войну было принято решение, чтобы в случаях чрезвычайных обстоятельств по требованию губернатора или военного начальства вино и спирт в казенных винных лавках и складах подвергалось уничтожению с составлением надлежа-

щих актов. То же, что успевали вывезти, вывозилось. Одна из телеграмм того времени гласила: «Начальнику станции Гродно. Прошу отправить на станцию Петроград Балтийской линии северо-западных железных дорог 4 (четыре) вагона-цистерны с казенным спиртом. Спирт подлежит эвакуации по военным обстоятельствам»...

Только несколько кирпичных домов всё в том же стиле эклектики с коваными карнизами – вот и всё, что осталось от улицы Заводской Mopopolowej. Напротив неё, по чётной стороне улицы 17 сентября – несколько типичных зданий в стиле конструктивизма. У них своя история: в начале 1920-х годов польское правительство взялось профинансировать

Чуть ближе к привокзальной площади в конце XVIII века по проекту Д.Сакко была запроектирована летняя резиденция самого А. Тызенгауза с домиком охотника, усадьбой, конюшней, каретным двором и прудом, очертания которого до недавних пор можно было разглядеть во дворе за магазином "Спорттовары".

Антоний Тызенгауз

Только несколько кирпичных домов всё в том же стиле эклектики с коваными карнизами – вот и всё, что осталось от улицы Заводской-Мопоролоwej.

строительство жилья для ветеранов войны с большевиками 1919-1920 годов, для чего собиралось выкупить участок земли у Друцких-Любецких. Проект был составлен, успели даже заложить фундамент под будущий квартал, но потом из-за нехватки средств дело остановилось. Через несколько лет участки

были проданы в частные руки с уже готовыми фундаментами под стройку.

Пройдя мимо школы № 2, мы сворачиваем налево с улицы 17 сентября и попадаем на улицу Волковича - в один из самых старых кварталов "Нового света"...

17

В одном из таких домов в 30-х годах и жил основатель Гродненского зоопарка Ян Кохановский, расстрелянный нацистами в октябре 1942 года вместе другими заложниками из числа местной интеллигенции...

МЕЖДУ ВОЛКОВИЧА И БОТАНИЧЕСКОЙ...

18

Улица Волковича, которая вводит нас от теперешней 17 сентября к улице Ожешко, вглубь «Нового света», удивительным образом остаётся всё такой же городской провинцией, как и раньше. Своё название бывшая улица Северная – Rópnosna, а в годы Второй мировой - Udet-Str., получила в честь Даниила Волковича, прошедшего путь от начальника уездного ЧК в Вятской губернии до председателя Совнаркома БССР.

В своём теперешнем виде улица начала формироваться после купли городскими властями во второй половине XIX века земель князей Друцких-Любецких, на которых ещё раньше располагались военные казармы на Городнице, позже перестроенные под склады. Сегодня на Волковича кирпичная и деревянная эклектика соседствует с типовыми постройками начала 50-х годов, фасад дома с чертами модерна намертво вмурован в обширный квартал, занятый административно-промышленными постройками. Но, несмотря на все эти перемены, она по-прежнему, как и много лет назад, указывает строго на север у нас за спиной, и это уже вряд ли можно изменить...

“Сирень, каштаны, жасмин...” именно такой запомнил улицу своего детства Георгий Митрофанович Моисеев – потомственный донской казак, член Британского и Австралийского королевских институтов архитекторов, идейный монархист, чья семья нашла убежище в Гродно после того, как канула в небытие империя Романовых.

Его отец был родом из станицы Константиновской, закончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В годы Гражданской войны, вместо того, чтобы сражаться с поляками на фронте, куда его отправили большевики прямоком из рязанской тюрьмы, отец Моисеева посчитал за лучшее остаться в Польше. Юность самого Георгия совпала со II Мировой войной, в которой тот принимал участие под началом генерала П.Краснова... на стороне Германии!

Уже в наше время Георгий Моисеев «за многолетнюю службу российскому императорскому дому» был награжден великой княгиней Марией Владимировной Станиславом второй степени, став первым кавалером этого ордена после революции. И всё же детство – эти десять с лишним лет из жизни в межвоенной Польше – навсегда отпечатались в его памяти. Вместе с ним остался там и облик этой улицы...

Георгий Митрофанович Моисеев – потомственный донской казак, член Британского и Австралийского королевских институтов архитекторов, идейный монархист.

«На Северной, – читаем мы воспоминания Г. Моисеева, – наша семья занимала половину дома; в другой половине проживала чета поляков Чекотовских. С их детьми мы были дружны и часто играли. Когда эта семья перебралась на другую квартиру, на ее место поселился польский учитель с русской женой Валеи. В войну Валин муж был призван в польскую армию лейтенантом-поручиком и, говорили, пропал без вести в Польше в битве под Кутно.

Чистенький дворик на Северной улице располагался буквой «г», начинался у ворот и заворачивал налево за дом. Во дворе стояла береза... – она была нашей любимицей. Вдоль заборов стояли стволы обрезанных каштанов, а рядом с садиком, у самого дома, росла сирень. В конце мая аромат ее цветов наполнял весь дом. Моей обязанностью было закрывать на ночь ставни, но в такие дни окна оставались открытыми, отчего ощущалось присутствие сада, особенно ранним утром, когда все еще спали. Воробьи первыми приветствовали утро своим чириканьем, а когда лучи восходящего солнца касались верхушек высо-

Дом Моисеевых сохранился до наших дней. Он и сейчас стоит под развесистыми ветвями старой берёзы

Рядом, на углу улиц 11 ноября и Северной, в 30-х годах жил отставной польский судья Онехимовский, жена которого происходила из княжеского рода Оболенских. Дом скузницей семьи Свицерских, позже высланных в Казахстан, соседствовал с двориком приветливого фотографа Гмыры. Занимались сад и огороды, росли густые заросли жасмина и сирени. Сейчас дома фотографа уже нет, остались только сараи.

ких груш в саду, в нем становилось уютно и спокойно. Весь наш сад и двор, ровные ряды каштанов, пыльная проезжая дорога, широкие поля, которые начинались уже за соседней улицей – все радовало новому дню, новому чуду Господнему»...

Напротив дома Моисеевых, там, где сейчас расположились двухэтажные жилые постройки послевоенной поры, стоял дом и магазинчик «колонияльных товаров» сестёр Толочко. «Магазин отличался тем, что в нём всегда были совершенно свежие продукты, – вспоминает Г. Моисеев. – А большие блоки масла резались тонкой проволочной тетивой лука. Всё было дёшево и всего было много... Тут же лежали круглые свежеспечённые буханки ржаного хлеба. Хлеб и молоко приносили ранним утром крестьянские женщины из соседних деревень». Эти картинки из прошлого теперь кажутся почти нереальными, однако в них почему-то так легко поверить.

*«Типовой» магазинчик
«колонияльных товаров»
межвоенного двадцатилетия*

МЕЖДУ ВОЛКОВИЧА И БОТЯНИЧЕСКОЙ...

Но пройдём чуть дальше, в глубь улицы... Дом по адресу Волковича № 5а и разглядишь не сразу: он примостился, спрятавшись в глубине двора, за фасадом соседнего здания. В первую очередь дом привлекает к себе взгляд филигранной вязью наличников. Но есть и другая причина, заставившая нас обратить на него внимание. Скорее всего, именно здесь в конце 1930-х годов поселился Вацлав Пануцевич – видный белорусский политический деятель и один из талантливейших, но почти забытых на Родине историков. Ещё перед войной В.Пануцевич закончил юридический факультет Виленского университета и даже успел побывать в тюрьме за статью «Государственная независимость Беларуси». При советской власти В.Пануцевич преподавал белорусский язык и литературу в одной из гродненских школ, но уже после войны оказался в эмиграции, где позже основал издательство «Беларуская выдавецкая сябрына».

Творческое наследие Вацлава Пануцевича необычайно богато. Из-под его пера вышли такие работы, как «Этнографическое пространство кривичей», «Из истории высшей школы Беларуси: Виленская академия», «Начало христианства на наших землях», «План Огинского 1811 года», «Литва и Беларусь», «Брестская уния», «Гродненщина в национальном движении в 1918-1919

Вацлав Пануцевич

Чугунный балкон дома по Волковича № 4 из мастерской Вечёрки в Белостоке

годах»... Но многие ли в Гродно читали их? Вряд ли. Видно и вправду, нет пророков в своём отечестве...

Собственно, главная историческая застройка нашего квартала приходится на начало улицы Волковича. По её чётной стороне, правда, сохранилось только одно здание – по Волковича № 4, но зато какое! Построенный в 1917 году с красивым чугунным балконом из мастерской Вечёрки в Белостоке, этот дом трудно перепутать с другими. Когда-то здесь работала польская военная типография.

Дом по Волковича № 1 был построен в 1902 году и за свою историю успел побывать казармами, городской больницей, школой, музеем, музучилищем, пока, наконец, не перешёл во владение аграрного университета. Именно тут в конце двадцатых годов нашла свой последний приют единственная белорусская школа в Гродно. А ещё в начале 1920-х годов его хозяевами были А. Минков и С. Яблоков, которые и продали в 1924 году дом городу.

Примерно тогда же в правом крыле здания был открыт музей природы. В его основу легла уникальная коллекция Станислава Живны, ставшего, собственно, и первым смотрителем музея. С. Живна почти пятнадцать лет пробыл в эмиграции, где, сре-

Угол Волковича и Ботанической

ди прочего, работал препаратором в одном из университетов в штате Коннектикут и исколесил с экспедициями всю Северную и Южную Америку. Откуда другие привозили деньги, С. Живна вернулся с минералами, засушенными экзотическими бабочками и жуками, чучелами заморских зверей и птиц. Всего оказалось почти три тысячи экспонатов. Они и стали основой будущей музейной экспозиции. Со временем музей пополнялся всё новыми находками. Среди них, например, были останки шерстистого носорога из окрестностей Гродно. Нужно ли говорить, что музей природы очень скоро стал настоящей достопримечательностью Гродно, и сюда с удовольствием спешили люди разных возрастов. И сейчас ещё часть коллекции С. Живны можно увидеть в Гродненском историко-археологическом музее.

Задержимся ещё перед фасадом бывшего музея со стороны улицы Ботанической. Вообще, здесь когда-то сходились не одна,

Белорусская школа - фото конца 1920-х.

а сразу три улицы – Раздельная, Малая Садовая и Лионская. А пока присмотритесь к кирпичной кладке дома и вы без труда увидите надписи, сделанные на стене химическим карандашом без малого лет девяносто назад: списки незнакомых людей, даты рождения, короткие пожелания, всё, что успели оставить стоявшие здесь когда-то в карауле солдаты. Поверх этих записей идут даты, уже более поздние, но тоже успевшие превратиться в историю. Одним словом, ещё один музей – музей граффити, но уже под открытым небом...

УЛИЦА ОДНОЙ ДВЕРИ

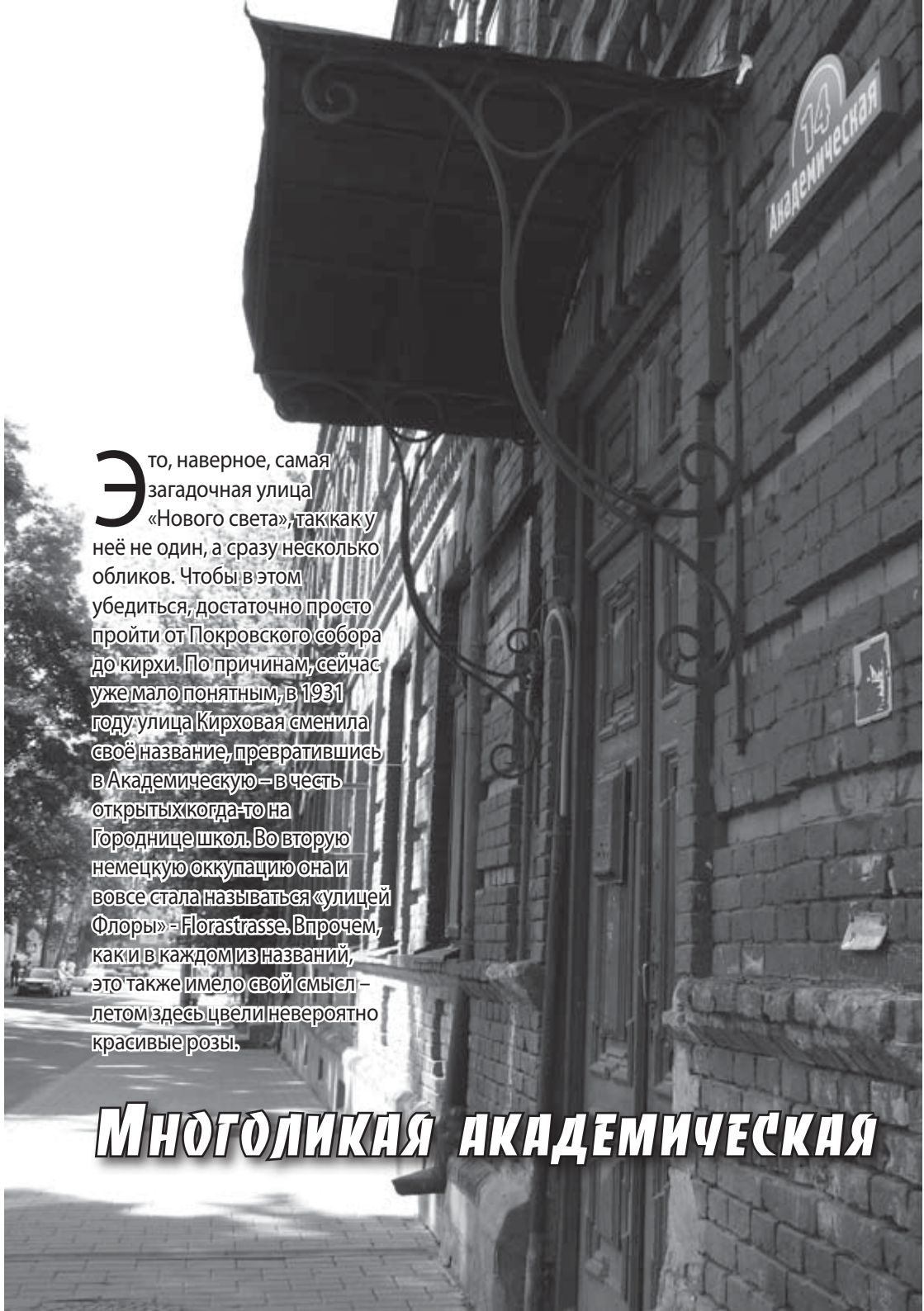
Нынешняя улица Ботаническая сформировалась как часть Городницы, а потому является самой старой улицей “Нового света”, хотя её современная застройка и относится в основном к концу XIX – 30-м годам XX века.

Свое первоначальное название Раздельная-Dzielna, улица сменила в 1931 году. Ботанической её назвали по инициативе городских властей в память Ж.Э. Жилибера – создателя ботанического сада в Гродно. Причём имя самого учёного, видимо, показалось последним не слишком благозвучным, и его заменили на нейтральное “Botaniczna”. И уже совсем недолго Ботаническая была Kanzlerstrasse...

Несмотря на свои небольшие размеры, по количеству интересных зданий эта улица смело может поспорить с центральными кварталами города. Например, построенный в 1904 году дом по Ботанической № 15, богато декорированный в стиле “кирпичной” эклектики, когда-то выходил внутренним фасадом не на детскую площадку, а на улицу Дворовую – Dworska, которая вела к Городничанке. В доме по адресу Ботаническая № 9 – классическом примере стиля конструктивизм, в 1930-х годах какое-то время жил начальник дефензивы,

отвечавший за всё восточное направление деятельности польской контрразведки. Напротив расположился дом, построенный в 1890 году М. Янушковой – типичный пример «послепожарного Гродно». Это здесь, вернувшись из советской ссылки, доживал свои последние годы Николай Червяковский – гродненский историк и собиратель древностей, активный член Российского благотворительного общества в межвоенное время, корреспондент львовского “Русского голоса” и виленской “Искры”...

Дом Кохановских – Ботаническая № 3, построен в 1899 году. Он богато украшен лопатками, поясками-сандриками, а кроме того, имитацией «арок»: последняя деталь подчёркивала также, что хозяин дома был евреем. Но, наверное, многие гродненцы помнят это здание, в первую очередь, по одной из самых красивых когда-то в городе резной входной двери. Вот так и получается: одна дверь, одна улица, один квартал, один город...

Это, наверное, самая загадочная улица «Нового света», так как у неё не один, а сразу несколько обликов. Чтобы в этом убедиться, достаточно просто пройти от Покровского собора до кирхи. По причинам, сейчас уже мало понятным, в 1931 году улица Кирховая сменила своё название, превратившись в Академическую – в честь открытых когда-то на Городнице школ. Во вторую немецкую оккупацию она и вовсе стала называться «улицей Флоры» - Florastrasse. Впрочем, как и в каждом из названий, это также имело свой смысл – летом здесь цвели невероятно красивые розы.

Многоликая АКАДЕМИЧЕСКАЯ

Как и столетие назад, начинается Академическая на углу с сегодняшней Ожешко – от дома Генриха Замковского. Сам дом был построен в 1873 году на месте бывшей пекарни времён А. Тызенгауза. В 1920-х годах здесь находились еврейский молитвенный дом, клуб железнодорожников, чайная Б. Кростосика, парикмахерская В. Шоки, Центральная беларуская школьная рада, жили врач Э. Лакинский, учитель К. Мейер...

Когда-то к дому по Академической № 2 со стороны университета примыкало здание “Кантора” (конторы) Тызенгауза конца XVIII века. Чуть дальше, примерно там, где улица пересекается с Ботанической, стояли две похожие друг на друга кузницы. Они представляли собой небольшие, почти квадратной формы деревянные домики на кирпичных цоколях под шатровыми черепичными крышами. Кузницы Тызенгауза, как и Кантор, исчезли с Академической всего каких-то лет тридцать назад ...

Рядом, на окраине парка, в 1920-е годы находился летний павильон клуба «Муза» с бильярдной, отдельными кабинетами, читальней, с галереей и буфетом. Чуть позже это здание занял «Охотничий клуб», в котором сервировались лучшие в городе блюда. Последнее его обличие, перед тем, как оно было снесено – клуб игровых автоматов.

На месте сегодняшнего Управления внутренних дел ещё с конца XIX века размещались органы правопорядка: сперва Арестный дом при гродненском земстве, после – правление следственной полиции (urząd policji śledczej). Летом 2004 года тут была открыта стела работы В. Теребуна, посвящённая памяти погибших при исполнении служебного долга сотрудников милиции, под названием „Крылатая” в честь греческой богини победы Ники.

И всё же в первую очередь улица Академическая притягивает нас неоготическим

обликом кирхи, чей силуэт так зримо выделяется на фоне привычной уже глазу эклектики городских особняков.

Когда-то здесь стоял «трактир на Городнице» (другое его название - „Трактир для чужеземных работников”), построенный по проекту архитектора Джузеппе Сакко. В 1793 году указом короля Станислава Августа Понятовского трактир вместе с земельным наделом был передан в вечное владение гродненским лютеранам.

Этнические немцы, прежде всего строители и купцы из Восточной Пруссии, являлись неотъемлемой частью населения Гродно, ещё начиная с XV века. В городе, в районе современной улицы Большая Троицкая, даже существовал «Немецкий Рынок», где продавались привезенные из немецких городов товары. При правлении королей саксонской династии в первой половине XVIII века в Гродно постоянно проживало около десятка немцев, но большая их часть, однако, в этот период была католического вероисповедания.

Первые сведения о собраниях верующих евангелистов-лютеран в Гродно относят-

В 1912 году кирха была перестроена и приобрела сегодняшний вид. Тогда же появился и дом пастора по Академической № 7/1.

ся к 1784 году, когда Антоний Тизенгауз пригласил для работы на королевские мануфактуры мастеров из Германии. В этот период община под председательством королевского ювелира Конрада Даниэля Лундгринга достигла более 50 человек. Помимо того, в Гродно проживало не менее дюжины офицеров российской армии – лютеран из курляндских немцев.

Со временем евангелистско-лютеранская община прочно пустила свои корни в Гродно. В декабре 1793 года временно исполняющим обязанности гродненского проповедника был назначен первый штабной хирург Михаил Пэц. Постоянным проповедником при общине стал пастор Хильзениц, который позднее переехал в Вильно. На его место в 1826 году был выбран Вильгельм Бройнлих из Курляндии. По инициативе пастора Бройнлиха община начала сбор пожертвований на покупку органа для храма (этот первый орган простоял в кирхе без малого сорок лет и позднее был подарен гродненской общиной единоверцам в Беловежскую пушу).

В декабре 1843 года пастором в Гродно стал Фридрих Юлиус Гофман (Хоффман). При нём в 1847-1849 годах лютеранская кирха была перестроена по проекту талантливого гродненского губернского архитектора Иосифа Михаэлиса – активного члена лютеранской общины, предки которого уже с XVI века жили в окрестностях Гродно. Последовавшие затем «косметические» ремонты в 1864 и 1872 годах практически не затронули внешний облик кирхи. Пастор Гофман умер в 1867 год, и его на этом посту сменил Август Филипп Вольдемар Гун (Хун) из Лифляндии, который, кроме прочего, был известен как превосходный музыкант. Следующим пастором в 1890 году был избран дивизионный проповедник Бонвеч из Томска...

Но, наверное, самым известным из гродненских проповедников в истории остался Адольф-Освальд Плямыш. Это при нём, собственно, в 1912 году кирха была основательно перестроена и приобрела

с большего сегодняшней вид. Тогда же появился и дом пастора по Академической № 7/1.

Пастор Адольф Плямш был личностью нетривиальной. Он увлекался сочинением музыки, писал стихи, разводил розы, но настоящей его страстью была... филателия. По свидетельству известного гродненского историка Ю. Йодковского, пастор даже прославился тем, что... подделал в своё время серию очень редких марок, которые выдавались в Гродно в годы первой немецкой оккупации. Ну и, конечно, в глазах местной власти – вначале российской, а позже польской, Адольф Плямш в силу своего происхождения оставался человеком неблагонадёжным и даже подозревался в связях с немецкой разведкой...

В 1938 году в связи с болезнью пастора консистория установила коллегиальное управление общиной, и обязанности администратора принял на себя Кароль

Пастор Адольф-Освальд Плямш с лютеранской молодежью.

Мессершмидт – гродненский военный капеллан. Во время Второй мировой войны он долгое время вынужден был скрываться, пережил арест и побег. Вместе с ним вплоть до середины 1990-х прервалась и история гродненской лютеранской общины. В послевоенные годы в бывшем храме располагался областной государственный архив. Это здесь сохранялся след того Гродно, который сейчас нам кажется почти утраченным...

Через дорогу от кирхи стояла часовня, вокруг которой было разбито евангелическое кладбище, немецкое, как его все называли. Вот как описывает его Наталья Дорош, чьё детство прошло в доме по соседству: «Гранитные плиты с выгравированными на них готическим шрифтом эпитафиями, высокие деревья с грачными гнездами в кронах – это заброшенное немецкое кладбище. Начиналось кладбище от калитки нашего двора и заканчивалось у кирхи. От тротуара и мостовой кладбище отделялась кирпичной стеной, местами разрушенной и побитой осколками снарядов в последнюю войну. Заросшее великанами-липами и кленами старое немецкое кладбище служило местом для проведения первомайских гуляний, которые каждый год устраивали жители домов улицы 1-го Мая. Кладбище было местом встреч влюбленных, а также служило прибежищем для группировки местных подростков, которыми руководил хулиган Вовка Клоун. Никто не боялся мертвецов.

Однажды приехали на кладбище бульдозеры и грузовики, чтобы подготовить площадку для строительства детского сада. Мальчишки ковырялись в открытых могилах палками, чтобы найти саблю и золотые украшения, перемешку с землей под ногами валялись ветхие лоскуты от немецких мундиров и эполеты, черепа и человеческие кости. Майским днем я наблюдала, как через подготовленную к строительству детсада площадку маршировала колонна пионеров с песней о смелом барабанщике...».

Доктор Константин Белецкий
и его дом по Академической № 13,
построенный в... 1913 году.

Дома напротив кирпичи, по чётной стороне Академической, приблизительно одного времени застройки. Дом Савицкого, дом Цецилии Войовник с балконами работы известного мастера Вечёрки из Белостока, дом С. Халетской, дом М. Мычека – все они представляют собой пример добротной эклектики.

По нечётной стороне, сразу за аллеей детского сада, примостился ничем, на первый взгляд, не примечательный дом по Академической № 13, построенный в... 1913 году. Прежний хозяин этого дома – военный врач, член гродненского товарищества ревнителей военно-санитарных знаний, бессменный опекун белорусского приюта Константин Белецкий. Правда, кроме частной практики, он ещё был и страстным фотолюбителем, а гродненский епископ Владимир, подарив ему свою фотографию, снабдил её следующей дарственной надписью: «Сердечному другу «друзей божьих» – болящих, скорбящих, страдающих... доброму доктору и любимому фотографу...».

«Дом был одноэтажным, крыша покрыта жостью, имелся парадный вход с улицы, через который приходили к доктору Бе-

лецкому пациенты (он специализировался по кожным и венерическим заболеваниям, служил врачом в городской больнице, а на дому имел частную практику), – читаем мы в воспоминаниях Натальи Доросы, внучки доктора Белецкого. – Пациенты дожидались приема в прихожей, где находилась вешалка для пальто и шляп, стояли стулья, а на журнальном столике лежали свежие газеты. В кабинете доктора был дубовый

паркетный пол, за ширмой находились кушетка и специальное кресло: здесь пациенты проходили врачебный осмотр.

Другой вход с высоким каменным крыльцом был со стороны дворика, огороженного деревянным забором с калиткой. Все пять комнат дома между собой сообщались, межкомнатные двухстворчатые двери были высокими и тяжелыми. В кухне пол был уложен керамической плиткой, в углу стояла широкая плита с духовым шкафом, которую топили дровами, а у стен стояли старинный резной буфет с посудой, кухонный стол и скамейки. Кухня соединялась с кладовой, откуда можно было попасть в подвал, а также на чердак, куда вела крутая лестница. На чердаке в дымоходе была устроена копильня, которой пользовались в предпраздничные дни, чтобы приготовить окорок.

Комнаты отапливались печами, но тепло уходило под высокие потолки, поэтому в сильные морозы обитатели дома просиживали у печи в уютной гостиной комнате. Окна имели внутренние ставни, которые закрывались на ночь.

В доме была предусмотрена просторная туалетная комната, приспособленная под фотолабораторию: доктор Константин Бе-

А в доме по ул. Академической, № 14 в 1913 году проживали высокопоставленные военные – командир 26-й артиллерийской бригады Владимир Мамонтов и начальник 26-й пехотной дивизии, бывший в прошлом губернатор Иркутской губернии, генерал-лейтенант Михаил Никифорович Кайгородов. Летом 1913 года шестидесятилетний генерал от инфантерии был назначен комендантом Гродненской крепости (когда в 1915 году после тяжелых кровопролитных боев русские войска оставят крепость, это на него падёт главное обвинение за военное поражение). В начале 1920-х тут же, по своеобразной традиции, разместилось уже польское командование 3-й моторизованной дивизии и 29-й дивизии пехоты...

лецкий был страстным фотолюбителем. ... Когда приходили гости, он их снимал фотоаппаратом на трехногом штативе (от условий солнечного освещения группе гостей приходилось неподвижно позировать до десяти секунд), потом немедленно отправлялся в свою фотолабораторию, где проявлял фотопластинку и, спустя полчаса, выходил к гостям с готовыми снимками.

... В годы немецкой оккупации дом доктора Белецкого занял немецкий генерал, который построил во дворе кирпичный гараж и посадил яблони. Плодами одной из этих яблонь мы лакомились в течение нескольких десятилетий, а гараж сохранился до сегодняшнего дня».

Ян Томаш «Юр»-Гожеховский (1874-1948).

Один из деятелей боевой организации ППС. Прославился дерзкой акцией по освобождению в 1905 году узников тюрьмы «Павяк» в Варшаве. Близкий соратник Ю. Пилсудского. С 1919 года служил в жандармерии. Его женой была известная польская писательница Софья Налковская. Служил комендантом в Бресте и Варшаве. После 1939 года – в эмиграции.

В 1924-1925 годах в этом доме у четы Гожеховских неоднократно гостил Юзеф Пилсудский. В эти годы бывший «Начальник польского государства» на время отошёл от активной политической жизни и заезжал в Гродно по дороге на курорт в Друскениках, которые особенно любил...

Софья Налковская

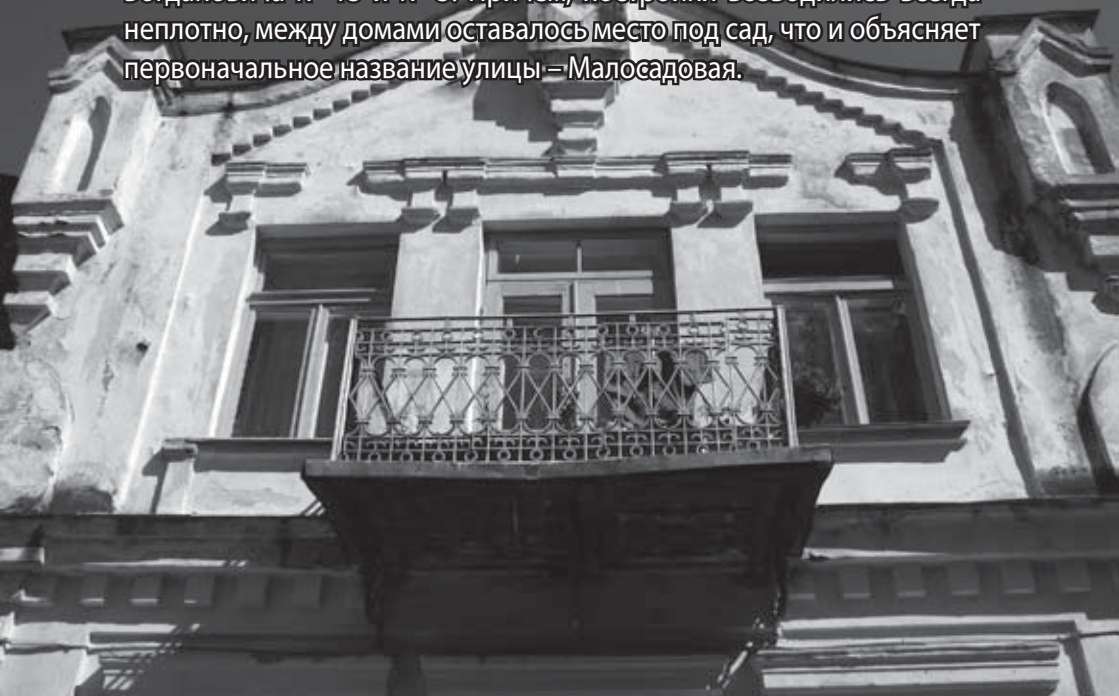

«... Я вышла замуж за Яна Гожеховского. – Читаем мы в дневнике С. Налковской. – Оставила мать, друзей, в труде и заботе создаю свой собственный дом, но, боюсь, не надолго, на этой красивой, но чужой для меня земле...». «Не надолго» в Гродно для писательницы продлилось почти на пять лет...

Рядом с домом Белецких по адресу Академическая № 15 стоит дом Софьи Зариной, более известный как «дом Софьи Налковской». Именно здесь в начале 1920-х размещалось командование 3-го дивизиона военной жандармерии и жил его командир Ян Юр-Гожеховский вместе со своей женой, известной польской писательницей. В Гродно С. Налковская, как отмечала исследовательница её творчества профессор Светлана Мусиенко, «ощущала интеллектуальную пустоту». «Всё лето – писала С. Налковская, – я прожила в этом городе, расположенном просто чудесно, но застроенным, к сожалению, очень плохо, и к тому же грязном, зловонным, ободранном, увеченным людьми». Правда, один из критиков отмечал, что именно в Гродно писательница «научилась понимать современную ей Польшу». А мы можем добавить: и черпала вдохновение, впрочем, как и её предшественница – Элиза Ожешко...

С БОГДАНОВИЧА НА ПЕРВОГО МАЯ...

Как и на соседних улицах, основная часть застройки по улице Богдановича относится к периоду после 1885 года. Типичными её примерами могут служить сохранившиеся дома по Богдановича № 13 и № 3. Причём, постройки возводились всегда неплотно, между домами оставалось место под сад, что и объясняет первоначальное название улицы – Малосадовая.

Наконец мы покидаем Академическую и, пройдя несколько шагов вдоль 17-го сентября, сворачиваем на улицу Богдановича с тем, чтобы вновь погрузиться в историю очередного квартала на “Новом свете”.

На сегодняшней улице Богдановича хватало своих «героев». Один из них – Шимон

Видгорчик – может смело претендовать на звание первого гродненского рэкетира, этакого местного «Беню Крика», персонажа одесских рассказов Бабеля. Гродненский «Беня» «держал» городских фурманщиков и водовозов, а кроме того был известен своими посещениями шикарных ресторанов. Ш. Видгорчик организовал, возможно, первый в Гродно турнир по боксу. Тогда по-

мериться силами вышли команды горожан и офицеров Вятского полка. Правда, сам организатор вскоре был осуждён за вооружённый налёт, но за решёткой Ш. Видгорчик оставался недолго. Он сбежал с этапа и в 1911 году оказался в Палестине, где проявил свои таланты уже в качестве руководителя еврейского сельскохозяйственного кооператива. Через четыре года бывший гродненский авторитет погиб в столкновении с бедуинами в ореоле славы еврейского национального героя. На том месте, где жил Ш. Видгорчик, теперь расположилось здание по адресу Богдановича № 5.

В деревянном доме на углу с улицей Первомайской разместился музей Максима Богдановича. Мы не слишком ошибёмся, если предположим, что именно отсюда берёт свои незримые истоки Гродно белорусский. Начало это было драматическим. Достаточно сказать, что даже отец поэта, Адам Егорович Богданович – этнограф и публицист, был полон сомнений и горьких оценок относительно духовного потен-

В деревянном доме на углу с улицей Первомайской разместился музей Максима Богдановича.

Мария Богданович с сыном Максимом

циала белорусского народа. В своей книге «Пережитки древнего мирозерцания у Белорусов», изданной в Гродно в 1895 году, среди прочего писал: «...И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости... Справедливость требует поставить белоруса по типу душевного развития ниже его братьев из великой русской семьи». Его собственный сын своим творчеством напрочь опроверг это утверждение.

По материнской линии поэт происходил из рода Элияша Мякоты, который ещё в 1637 году получил привилей из рук короля Владислава IV за храбрость и заслуги в военных кампаниях. Богдановичи прожили в городе недолго: с 1892 по 1896 год. Они сменили в Гродно несколько квартир: в домах Марушевского и Огульника на Новом Свете, скорее всего, в доме Шмита по улице Полевой. Любопытный факт: отец Максима часто переезжал с места на место,

но почему-то всегда выбирал квартиру в деревянном доме на первом этаже. Семья покинула Гродно почти сразу после смерти матери, Марии Афанасьевны. Как заметил один из исследователей биографии великого поэта, литературный талант матери, при жизни невостребованный, перешёл по наследству сыну. С отцом же доверительные отношения так и не сложились... Появление в 1986 году в Гродно музея Максима Богдановича стало для города своеобразной вехой. История самого музея неразрывно связана с именем поэтессы Дануты Бичель-Загнетовой – его вдохновителя и одного из создателей.

Улица Первого мая, бывший Яковлевский проспект, была проложена в 1870-е годы, когда началось активное строительство в районе севернее Городничанки. Правда, общие её очертания угадываются уже на планах Городницы конца XVIII века. Задумывалась она с размахом. Ей отводилась роль главной оси, вокруг которой и вырос "Новый мир". Названия она всегда имела звучные. В 1920-х годах проспект был переименован в честь конституции Речи Поспо-

Дом Я. Сыртовтт. Ул. 1-го мая, №2/1.

Григорий (Рыгор) Романович Ширма (1892 – 1978)

Белорусский общественно-политический деятель. В межвоенные годы создал в Вильно белорусский хор. Преподавал пение в белорусской гимназии. Собирает народных песен. Член центрального секретариата БСРГ и главной управы ТБШ. Редактор журналов «Летапіс ТБШ» и «Беларускі летапіс». С 1940 по 1970 годы руководил Белорусским государственным ансамблем песни и пляски. Председатель правления Союза композиторов БССР.

литой в улицу 3-го мая, а с 1941 года носил имя немецкого канцлера О. фон Бисмарка.

С первого взгляда бросается в глаза, что левая сторона улицы застроена гораздо плотнее, чем правая. И у каждого из домов своя история. В начале Первомайской стоит красивое здание в стиле конструктивизма. Это бывший дом врача-дантиста Янины Сыртовтт. Здесь в одной из квартир в 1944-1951 годах жил Рыгор Ширма – известный белорусский композитор и общественный деятель, организатор белорусского хора, Громады и ТБШ. Ещё в тридцатые годы он неоднократно бывал в окрестностях Гродно, где собирал фольклор.

На месте сегодняшнего банка раньше стоял дом Люлеи Фербер, перешедший затем к Мариушу Гродзенскому. Его владелец несколько лет провёл в Америке, где зара-

ботал денег и вернулся. Возле своего дома он построил миниатюрный домик для детей со стеклянными фонарями по бокам в виде шаров, которые светились вечерами. Детский домик был ниже, чем обычный, так что можно было заглянуть в его окна.

За столько десятилетий удивительным образом не изменило свой «профиль работы» здание военной комендатуры. Кажется, оно всегда неразрывно оставалось связано с военными. Сперва, как здание гродненской инженерной дистанции русской армии, позже – инженерно-сапёрной службы армии польской. Только однажды, в 1937 году эта традиция была ненадолго нарушена. Тогда здесь разместилась газета «Польский голос» под редакцией Марии Земаковой.

Перед Первой мировой домами на углу Малосадовой и Яков-проспект владели Ольга Короткевич, Ян Бойкевич, Юлиан Ферликовский, Иосиф Гиршкохум. Недвижимость в этом районе Гродно стоила недёшево: от 10 до 40 тысяч царских рублей. Правда, позже хозяева неоднократно менялись. Один из самых живописных гродненских дворикив, примостился в квартале между улицами Богдановича и Академической, как раз за музеем поэта.

Но есть среди всех этих построек дом, который даже внешне не похож на другие – это дом четы

Маковельский Александр Осипович (1884 — 1969)

Русский философ и историк, член-корреспондент АН СССР и АН Азербайджана. Автор многочисленных трудов по истории античной философии и философии народов Ближнего Востока. Родился и жил в Гродно на «Новом Свете».

«Польский голос» был далеко не первым изданием, нашедшим свой приют на «Новом Свете». «Ещё в 1882 году, - отмечает историк Е. Орловский в своем труде «Гродненская старина», - бывший гродненский городской голова Яков Антонович Померанский, в сотовариществе с редактором Ковенской местной газеты, Николаем Самойловичем Вульффертом, стали издавать в Гродно газету «Торговый Вестник Западного края». Выходила эта газета всего три раза в неделю. Городской голова затратил на издание ... довольно значительную сумму денег; редакция помещалась в собственном доме его издателя на Новом Свете, в Яковлевском переулке, а редактор Вульфферт состоял на полном содержании у головы. Просуществовало это издание недолго, всего месяцев пять и на заре жизни своей приказало долго жить.

Прошумела газета за кратковременный период своего существования в Гродно немало, при этом затрагивала местные вопросы города и края... Затем исчезла газета, и даже дом, в котором помещалась редакция, стал жертвою пожара в Гродно в 1883 году...»

Листовских па адресу 1-го мая № 14. Хозяин дома, Эдвард Листовский, поляк по происхождению, прошёл путь от юнкера до полковника царской армии. Восемь лет он занимал пост председателя городской думы Гродно – городского головы и даже удостоился звания почётного городского судьи. В 1919 году Э. Листовский был избран первым послевоенным президентом Гродно, и это тогда, когда город задыхался от разрухи и эпидемий. Это ему принадлежат слова: “Не так страшен сам перечень потерь, понесённых городом за последнее время, сколько страшно жить изо дня в день, не имея уверенности в будущем”. После кончины Э. Ли-

Дом Э. Листовского. Ул. 1-го мая, № 6.

стовского в память о его заслугах одна из улиц – сегодняшняя Кирова, была переименована в улицу Листовского.

Почти напротив дома Листовского по правой стороне улицы 1-го мая расположился корпус аграрного университета. Построен он был в 1907 году как Гродненское реальное училище имени цесаревича Алексея в стиле неоклассицизма с элементами модерна.. Откуда же тогда эта дата на фасаде – “1913”? Очевидно, она является памятью о праздновании юбилея 300-летия воцарения дома Романовых, который отмечался по всей Российской империи. Не обошёл он и Гродно. По иронии судьбы, ни польская,

ни советская власть, внимательно следившие за упразднением любого напоминания о чуждом им царском юбилее, “нехорошей” даты не заметили, как не замечаем и мы сегодня, принимая за год постройки, мимоходом бросая взгляд.

В августе 1914 в реальном училище было подготовлено помещение для приёма добровольцев в армию. Позже, в сентябре, здесь расположился Великий князь Николай Николаевич и главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал-адъютант Н. Рузский. В 1915 году в здании находился штаб 10-й русской армии генерала Ф. Сиверса.

-Николай Владимирович Рузский (1854-1918)

Генерал от инфантерии. Во время Первой мировой войны среди прочего - главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. Именно на генерала Н. Рузского чаще всего возлагают вину за пассивность и нерешительность русских войск в середине 1915 года, которые привели к ряду роковых поражений. Зимой 1917 года непосредственно принимал участие в давлении, которое оказали высшие военные чины на императора Николая II, чтобы побудить его отречься от престола. Ещё через год был расстрелян в Пятигорске большевиками как заложник. По легенде, перед смертью генерал Н. Рузский сам рыл себе могилу.

Бывшее Гродненское реальное училище имени цесаревича Алексея, бывшая мужская гимназия имени Адама Мицкевича...

Уже в межвоенное двадцатилетие здесь разместились гимназия имени Адама Мицкевича. В её стенах работала плеяда талантливых учителей. Многие из них трагически погибли в годы Второй мировой, как, например, Я. Кохановский или учитель рисования Ю. Ванатовский, расстрелянные нацистами.

В гимназии были организованы литературное товарищество, харцерская дружина, издавался собственный журнал.

Одной из достопримечательностей училища была астрономическая обсерватория прямо над главным входом в здание.

Гродненский кружок любителей астрономии под руководством ксендза Люциана Халецкого (1863-1963). Фото 1910 г.

В конце 1944 года уже бывшей гимназии пришлось стать военным госпиталем для советских солдат.

В 1928 году в гимназии была открыта мемориальная доска ученикам, погибшим в польско-советской войне. Неудивительно, что именно из коридоров гимназии в сентябре 1939 года бывшие ученики вышли на улицы города, чтобы вновь сражаться с Красной армией.

В стенах гимназии работала плеяда талантливых учителей. Многие из них трагически погибли в годы Второй мировой.

Ян Кохановский (1894 – 1942) – учитель природоведения. Расстрелян немцами 20 октября 1942 года на территории форта в Наумовичах.

Францишек Данько (1890 – 1942) – учитель немецкого и латинского. Расстрелян немцами 20 октября 1942 года.

Иосиф Ванатовский (1894 – 1942) – Учитель рисования и труда. Автор дружеских шаржей на своих коллег-преподавателей. Расстрелян немцами 20 октября 1942 года как один из заложников из числа местной интеллигенции.

Теодор Акршинский (Акер) – Учитель польского. В своё время работал диктором на радио во Львове. Расстрелян немцами летом 1941 года.

Почти в самом конце улицы мы подходим к дому по адресу Первого мая № 24. Он построен относительно поздно – в 1909 году. Фасад здания несёт зримые следы прошлых сражений – он весь просто посечён осколками. Прежним хозяином дома был Николай Морозов, по профессии инженер-строитель, по вероисповеданию – старовер. Вместе со своей супругой, Прасковьей Морозовой, он активно участвовал в общественной жизни Гродно начала 1920-х годов. На квартире у Морозовых собирались на обед премьер-министр БНР Антон Луцкевич, министр финансов БНР Василь Захарко и министр белорусских дел при литовском правительстве Язэп Воронко. Одно время хозяин дома даже входил в городской совет. Его супруга Прасковья Морозова не отставала по активности мужу и, в свою очередь, организовала Гродненскую ученическую громаду.

А ещё Морозовы держали при доме корову, о чем была сделана запись в книге регистрации населения Гродно за 1923 год...

Дом Морозовых. Ул. 1-го мая, №24.

ПРИМЕТЫ ПРОШЛОГО

Вернувшись назад по тихой и уютной улице 1-го мая, мы попадаем на оживлённую магистраль, которая носит имя одного из создателей ВЧК – Феликса Эдмундовича Дзержинского. По иронии судьбы в двадцатые годы в Гродно действительно жил Дзержинский – родной дядя (брат отца) «железного Феликса».

Вообще-то история плохо приживается выше третьего этажа. Наверное, поэтому мы обычно и не спешим в спальные районы, застроенные схожими, будто на одно лицо многоэтажками. И всё же на таких улицах, как Дзержинского, прошлое кроется в мелочах...

Свой теперешний вид Дзержинского приобрела не так уж давно. От площади Тызенгауза до пересечения с улицей Первого мая она сформировалась по проекту плана Городницы. Следующий отрезок – до улицы Островского сложился к началу XX столетия. В таком виде она просуществовала вплоть до конца Второй мировой войны, сменив сразу несколько названий - Сапёрная, Narutowicza, Tannenberg-Str. Несмотря на то, что большую часть улицы сегодня составляют многоэтажки, её начало неразрывно связано с судьбами “Нового света”...

Где находится школа № 10, наверное, в Гродно сегодня знают все. А в межвоенные годы на этом же месте были разбиты лучшие в городе корты спортивного клуба „Кресовия”. Рядом располагалось и само здание клуба. «Кресовия» действовала при местном военном гарнизоне и отменилась сразу в нескольких дисциплинах. Её футбольная команда WKS (Военный спортивный клуб) Гродно, являлась ведущей в городе и выиграла чемпионаты Белостокского воеводства в 1931 - 1934 и 1936 - 1939 годах (например, в 1932 году за “Кресовию” играли футболисты: Зенько, Собчак, Паньковский, Сидорович, Зимнах, Гришкевич, Хойновский, Побурённый, Михелис и Радиул).

С немецкой оккупацией в августе 1941 года в здании “Кресовии” был организован Гражданский комитет помощи жертвам войны под председательством ксендза А. Ярошевича. Эта общественная организация ставила своей целью “оказание помощи наиболее пострадавшим от войны” жителям Гродно. “... Сегодня в городе имеется большое количество несчастных

и трагических жертв войны, – говорилось в изданном комитетом обращении. Разбитые семьи высланных в Сибирь и политзаключённых, разрушенные бедствием огня погорельцы обращаются к нам с просьбой о помощи, о правах на жизнь. Мы должны поспешить к ним с опекой и помощью, со спасительными средствами перед голодом... Это наша священная гражданская обязанность, от которой устраниться не позволит нам голос сердца и совести”.

Просуществовал комитет всего пару месяцев. Уже в октябре его деятельность была запрещена немецким гебитскомиссаром как “подозрительная”. Несмотря на это практически все члены Гражданского комитета после освобождения Гродно советскими войсками были репрессированы. Их реабилитация произошла только в 1992 году...

Чтобы найти “пакгауз на Городнице”, нам придётся попасть во внутренний дворик школы. Сегодня в нём трудно распознать историческое здание. Частично перестроенный, потерявший свой прежний вид под толстым слоем штукатурки, сегодня он является частью комплекса десятой школы.

Женский спорт в межвоенное двадцатилетие выглядел забавно и целомудренно...

Обычное с виду здание во дворе 10-й школы. А ещё относительно недавно, в конце 1950-х годов, исследовательница истории Городницы Е. Квитницкая писала о нём так: "...Бывший пакгауз построен с таким размахом, что уже в конце XVIII века он был превращен во дворец».

В 1920-е годы пакгауз был приспособлен под частную мужскую гимназию имени Сенкевича. По воспоминаниям его бывшего воспитанника Георгия Моисеева „...обучение в ней стоило сорок злотых в месяц – большие деньги по тем временам”.

„...Это было старое, солидное здание. – Пишет Г. Моисеев. – Классы были по двадцать человек, везде сияла совершенная чистота. Во время большой паузы (перемены) старый сторож... выносил самовар, продавал чай, булочки с сыром, ветчину, ватрушки и рогалики”. Из преподавателей Г.Моисеев упоминает профессора Цинка, которого дети „сразу же полюбили”, латиниста Возняка – „не терпевшего русских”, немца Бинека – „за круглое лицо прозванного „арбузом””, а также „директора Мыслицкого – отвратительного русофоба” из Галиции...”. Чего не знал Г. Моисеев, так это то, что Вацлава Мыслицкого, последнего директора гимназии им. Г. Сенкевича, в 1939 году арестовало НКВД, в застенках которого он и погиб.

Здесь же, в гимназии Сенкевича преподавал историк Леон-Лех Бейнер, ставший популярным впоследствии под литературным псевдонимом „Павел Ясеница”. У нас до последнего времени он

был мало известен, но в самой Польше его фигура давно привлекала особый интерес. После возвращения из беженства его семья поселилась в Грандичах, где отец арендовал фольварк. Леон закончил гродненскую гимназию Мицкевича, поступил в Виленский университет. В годы Второй мировой Л. Бейнер воевал в рядах польской Армии Краёвой. В конце августа 1944 года вместе с другими членами АК он пытался пробиться к Варшаве, но в окрестностях Гродно был задержан и отослан в формирующиеся части Польской армии. Через пару дней он дезертировал и вновь вернулся в ряды Армии Краёвой. С 1946 года Л. Бейнар осел в Кракове, где работал в редакции одной из местных газет. Именно тогда он и восполь-

Л. Бейнер (будущий Павел Ясеница) учитель гродненской гимназии в 1936-37 гг.

зовался псевдонимом Ясеница, чтобы не навлечь на себя подозрения, а его родные и знакомые в Вильно при этом были уверены в его гибели.

После войны П. Ясеница перебрался в Варшаву и там быстро добился популярности в качестве публициста и репортёра. Настоящая известность пришла к нему в 1960-х годах, как автору серии исторических книг – “Польша Пястов”, “Польша Ягеллонов” и др..

Правда, П. Ясеница проявил себя критиком существующего в Польше политического строя. В марте 1968 года, выступая в Варшаве I-й секретарь польского ЦК Владислав Гомулка открыто объявил о “преступной деятельности П. Ясеницы в АК-овских формированиях”. Желая ещё больше скомпрометировать его в глазах польской интеллектуальной элиты, власти обвинили писателя в связях... с польскими же спецслужбами. “Он был выпущен на свободу, по причине, которую сам хорошо знает”, – сказал В. Гомулка. Вскоре после этого, в 1970 году, П. Ясеница, отверженный всеми, умер. И только гораздо позже, после того, как общественности стали доступны документы службы безопасности, оказалось, что это вторая супруга писателя, бывшая с ним неотлучно до момента кончины, являлась агентом и систематически отправляла

рапорта “куда следует” на своего мужа и его знакомых...

Всего в двух шагах от школы, по адресу Дзержинского № 10 расположился деревянный дом, выкрашенный в зелёную краску, с крытой жёстью крышей, который сразу бросается в глаза, и это не случайно. Белого взгляда достаточно, чтобы заметить в неброских мелких деталях его отделки руку настоящего мастера. Построен дом в начале 1930-х годов. Его хозяин, Леопольд Вильгельмович Вагнер, прибыл в Гродно в начале XX века из имения князя Сапеги в качестве столяра Гродненских крепостных мастерских и даже перешёл из германского подданства в русское. Однако в канун Первой мировой войны это его не спасло от подозрения в связях с немецкой разведкой. Основным поводом для особого внимания со стороны жандармерии стали его немецкое происхождение и письма из-за границы.

Именно Вагнер-старший и построил этот красивый дом, вложив в него всё своё мастерство. Кстати, в 1941 году Леопольд Вагнер был членом Гражданского комитета, а его семья относилась к так называемым “фолксдойчам”. Это не могло не отразиться на их дальнейшей судьбе...

Его сын, Ф. Вагнер, также был прекрасным краснодеревщиком. А вот внук Николай стал актёром Гродненского драматического театра. Игорь Трусов хорошо знал Колю Вагнера в последние годы его жизни. Отвергнутый советской системой (нетрадиционная ориентация в те времена могла стоить свободы), первоклассный актёр, он по

*Ул. Дзержинского, № 10.
Дом, который построил
Леопольд Вильгельмович
Вагнер.*

Гродненский актер Николай Вагнер

доносам соседей периодически «лечился» в гродненской психиатрической больнице. Открытый к новым веяниям он сделал свой дом «точкой», где собирались гродненские хиппи, где звучала самая модная в начале 70-х годов рок-музыка. Николай Вагнер был высокообразованным человеком. Игорь Трусов часто заходил к нему как представитель музея для закупки экспонатов. Интересно, что Коля, действительно уже сильно больной в то время, воспринимал гостя в один и тот же день в двух ипостасях: днём как работника музея (плохого человека, с которым надо торговаться), а вечером как хорошего, приятного и давно знакомого человека из тусовки бывших хиппи.

Внешний вид Вагнера-младшего был эпатажным, как на советские времена: ходил он в длинном чёрном плаще с поднятым воротом и обвитым несколько раз вокруг шеи длинным белым шарфом, в чёрной широкополой шляпе, длинных белых перчатках и... ручным вороном на плече. И уж, наверное, не меньшее удивление и восхищение по тем временам вызывала его «фирменная» трость со встроенным в ручку мини-магнитофоном. Впрочем, про ворона и про трость с магнитофоном – это уже гродненские легенды...

Рядом с Вагнерами, на месте сегодняшней автобусной остановки, стоял скромный деревянный дом Ивана Егоровича Савелье-

ва – человека, построившего для Гродно православный Покровский собор-храм по нынешней улице Ожешко. Как замечает историк В. Черепица, предметом особой гордости И. Савельева была церковная колокольня. Жизнь гродненского зодчего вряд ли можно назвать простой. «В 1910 году, – читаем мы у В. Черепицы, – семейное счастье Савельевых было омрачено смертью 6-летней дочери Надежды... Нелегко жилось Савельеву и в советское время... Нищенская пенсия, подозрительное отношение к прошлому «бывшего царского офицера» негативно отражались на общем состоянии всего семейства». Умер создатель Гродненского Свято-Покровского храма-памятника в 1951 году в возрасте 85 лет от инсульта и был похоронен на старом православном кладбище...

Самая известная, наверно, из построек на Дзержинского это ресторан «Стары Лямус» – в прошлом бывший мануфактурный склад и администраторская кладовая. Раньше рядом с ним проходило сразу две улицы, от которых сейчас не осталось и следа: это улица Богуславского-Театральная, которая шла вдоль фасада здания со стороны парка и улица Маковая – со стороны театра (кстати, согласно Ю. Иодковскому, городской мак цвёл в ноябре...).

Расположившийся рядом с лямусом Народный дом (сегодня это Городской дом культуры по адресу Дзержинского № 1/1) был построен в 1902 году по проекту архитекторов Л. Лангарда и Н. Романова. Освящение Народного дома было приурочено к празднованию столетия Гродненской губернии и состоялось 3 января 1902 года. Всё было устроено более чем торжественно. На открытие прибыли епископ Гродненский и Брестский Иоаким, почти всё городское духовенство, губернатор, собралось множество публики. После окончания молебна и провозглашения многолетий, епископ обратился к собранию, призывая, чтобы Народный дом в числе главнейших задач имел «укрепление в населении пра-

вославленной веры, русского самосознания, любви к русскому Отечеству и преданности нашему русскому Царю!» После этого все направились в зал, по случаю праздника красиво декорированный зеленью и флагами. Здесь хор любителей исполнил два раза гимн «Боже, Царя храни», после чего Н. Савицкий прочел историческую записку о состоянии Гродненской губернии за истекшее столетие. При описании третьего раздела Речи Посполитой хор любителей вновь запел, на этот раз гимн Императрице Екатерине II: «Гром победы, раздавайся», а на экране появлялись световые картины, изображавшие исторических личностей и виды, связанные с описываемыми событиями.

В первую очередь Народный дом должен был служить делу просвещения бедных слоёв населения и пропаганде борьбы с пьянством. В нём работали попечительство о народной трезвости и библиотека, проводились лекции на самые разные темы и концерты самодеятельности, действовал любительский театр. В «Гродненских губернских ведомостях» за март 1905 года сообщалось, например, что в Народном доме состоялась

публичное чтение со световыми картинками при участии хора под управлением Н. Буйнова. Причём, автор заметки подчеркивал многочисленность собравшейся аудитории. Ту же библиотеку Народного дома охотно посещала не только интеллигенция. Сюда, среди прочего, выписывались издания, специально посвященные вопросу борьбы с алкоголизмом: журнал «В борьбе за трезвость», еженедельная газета «Трезвость» и другие. Плата за пользование книгами не взималась, но зато на дом литература выдавалась в залог под 30 копеек.

Вскоре Российскую империю захлестнула волна революционных выступлений! В 1905 году учащая молодёжь городских гимназий, протестуя против политики царских властей, занимает здание Народного дома. Полицейстер, прибывший к месту выступления с сорока казаками, потребовал очистить помещение. Однако, обнаружив, что среди забаррикадировавшихся находятся и двое сыновей губернатора Осоргина, полиция от силовых мер отказалась. В результате посредником в переговорах между учениками и школьным начальством выступил сам губернатор.

Во время Первой мировой войны в Народном доме расположился 1-й дивизионный лазарет 6-й пехотной дивизии, а в 1920-е годы здесь расположился „Dom Żołnierza“. Тут в 1923 году был создан Гродненский гарнизонный театр, а уже в 1968 году - открыт городской Дом культуры.

Несмотря на то, что большую часть улицы Дзержинского сегодня составляют спальные районы, именно здесь разворачивались события, которые кровью вписаны в историю нашего города...

Заканчивалась третья неделя Второй мировой войны, когда туманным утром 20 сентября 1939 года на углу Почтовой, нынешней Социалистической, и Ожешко появился советский танк из подразделения разведки 6-го казачьего корпуса кавалерии.

Советские войска оказались в Гродно внезапно, причём вошли они в город с запада, откуда ждали немцев. Опомившись от шока, польские солдаты и добровольцы заняли оборону. Возле гарнизонного театра, бывшего Народного дома, метрах в 400 от танка молодой подпоручик Мусял установил противозенитное орудие. Через мгновение танк начал обстрел из пушки и пулемёта комендатуры полиции (сегодня это музыкальная школа). Со старого здания полетели во все стороны осколки битого кирпича и штукатурка. Одним из снарядов выломило огромную дыру в стене, как раз

там, где сейчас идут уроки по сольфеджио. Орудие на месте теперешней остановки огрызало в ответ.

Вдруг танк беспомощно остановился – польский снаряд попал ему в гусеницу. В то же мгновение из подворотен соседних домов появились гимназисты с бутылками с бензином. Не имея прикрытия со стороны пехоты, танк был обречён. Несколько мгновений – и его охватило пламя. Никто из экипажа не успел спастись. Очевидцы вспоминали, что советские танкисты даже и не пытались выйти (скорее всего, сгоревший танк принадлежал командиру танкового подразделения майору Филиппу Квитко. Позже его останки были погребены на Русском кладбище в занеманской части Гродно)...

Пройдя чуть дальше вдоль Дзержинского, у перекрёстка с улицей 17 сентября, у нас есть повод вспомнить о Гродненском местном управлении Российского общества «Красного креста». Его двухэтажный корпус по адресу Дзержинского № 28 – один из ярких примеров «кирпичной» эклектики, построенный как раз накануне Первой мировой, – теперь занимают университетские аудитории. Общество «Красного креста» всегда возглавляли наиболее именитые горожане. Среди его членов: Н. Неверович, А. Клопов, епископ Гродненский и Брестский Михаил; епископ Белостокский Владимир; В. Борзенко; В. Кошелев; Н. Беклемишев и др. А самому зданию было суждено побывать амбулаторией Красного креста, поликлиникой для больных туберкулёзом, Kasą chorých, инфекционной больницей, детским домом, культпросветучилищем, университетом...

Ещё дальше, на самом перекрёстке – бывший магазин колониальных товаров Касманделя, где в 1930-х годах продавались даже бананы и мандарины, что по тем временам было большой редкостью. Это рядом с ним 1 сентября 1939 года упала первая

Бывший магазин колониальных товаров Касманделя

немецкая бомба, ознаменовав начало Второй мировой.

Вообще лет сто назад улица Дзержинского выглядела куда более представительно. В доме Семашко размещалось реальное училище, в доме Беклемишева – дирекция народных училищ. Рядом стоял собственный дом судебного пристава при окружном суде Кунаховича. Сегодня же главной достопримечательностью здесь, наверно, является бюст Адама Мицкевича работы А.Заспитского, поставленный в 1998 году перед зданием Союза поляков Беларуси да мемориальный знак в память о жертвах сталинского террора...

На противоположной стороне перекрёстка расположился корпус Военного госпиталя. Возведён он в 1895 году по проекту инженера генерал-майора Штальмана и первоначально служил казармами 4-го сапёрного батальона. Отсюда и одно из названий самой улицы – Сапёрная. В межвоенное двадцатилетие здесь располагалась 29-я дивизия пехоты, а сами казармы получили имя князя Ю.Понятовского.

*Сергей
Константинович
Гершельман
(1854-1910)*

*Генерал от
инфантерии.*

*Один из лучших
боевых российских
генералов русско-
японской войны
1904—1905
годов. «По складу
своего характера
С.К. Гершельман
был истинным
солдатом, и
война была его
стихией», – писали о «железном генерале» «Московские
ведомости».*

В 1907 году был назначен Московским генерал-губернатором. На этом посту он активно действовал в направлении усмирения революционных выступлений, за что даже получил прозвище «вешатель». С.Ю. Витте характеризовал его как «довольно бравого генерала, но без всякой политической культуры... нравственного союзника Союза русского народа». Перу Сергея Константиновича принадлежат исследования «Нравственный элемент в руках Суворова» и «Нравственный элемент в руках М.Д. Скобелева» опубликованные в бытность Гершельмана командующим 2-м армейским корпусом в Гродно.

Во время своего пребывания в городе генерал вместе с семьёй жил на квартире в доме Беклемишева на «Новом Свете».

Корпус Военного госпиталя.

Нынешний госпиталь всегда использовался военными, что положило начало одной необычной традиции: стоя на посту, солдаты оставляли на стенах собственные автографы. И сейчас ещё со стороны Дзержинского на старых кирпичях можно разглядеть с десяток таких надписей: “Рядовой Иван Нить, 1893”, “Jefrejtar Bolek z Gdyni, 1931”, “Jozaf Szafranski, 1934”, «1942, Содыков А.П., II.1942» и др. Не отставали от своих предшественников и советские солдаты. Нам даже попадались надписи по-грузински – довольно неожиданная находка для Гродно. Порой просто не верится, что в этих коротких строчках уместилась жизнь сразу нескольких поколений людей, несколько эпох...

Но это далеко не все тайны старых казарм. Рядом с остановкой «Военный госпиталь» во дворе сохранилась ограда необычной кладки. Автор ещё помнит рядом гранитный камень в виде каски: такие монументы устанавливали на немецких военных кладбищах времён Первой мировой. Есть ещё старая фотография такого же кладбища где-то в Гродно, за которым угадывается профиль сегодняшней улицы Островского... Поэтому, пускай пока и в качестве гипотезы, можно предположить, что именно здесь, во дворе дома по Дзержинского № 19, и находилось одно из таких захоронений.

Чуть дальше через дорогу идёт строительство нового квартала на месте старой железнодорожной ветки, которая когда-то вела к кирпичным заводам Станиславово. Здесь даже была своя улица – *Strycharska*. По переулку Дзержинского и сейчас можно найти несколько построек 1930-х годов. В конце 1941 года несколько месяцев от начала оккупации за теперешним хлебокомбинатом в районе улицы Дзержинского немцы создали лагерь для советских военнопленных. Ещё не так давно здесь можно было разглядеть на рельсах клейма с крупповских заводов, тех самых, что делали броню для немецких танков, с датой – «1943». В советские годы весь этот район называли КЭЧ от расположенных здесь военных складов квартирно-

эксплуатационной части гродненского военного гарнизона. Через него вёл самый короткий, но не всегда самый безопасный путь с Дзержинского на улицу Пушкина...

В середине 1990-х на перекрёстке Дзержинского и Терешковой рядом со старыми липами безвестный энтузиаст поставил скромный деревянный крест на месте братской могилы русских солдат – защитников гродненской крепости 1915 года. Хочется надеяться, что могила не была окончательно уничтожена на протяжении последних лет, пока рядом строили дом и вели к нему коммуникации...

Отличительной особенностью Дзержинского пока ещё остаётся ряд одноэтажных кирпичных домов середины прошлого столетия – пример типовой застройки того времени. Существует что-то вроде легенды о том, что эту часть улицы после войны строили пленные солдаты вермахта. Совсем рядом – мемориальная доска скидельским подпольщикам, Городской дом культуры глухих – яркий образец архитектурного стиля 1950-х. И уж точно мало кто знает, что въезд на территорию аптечных складов по Дзержинского № 88 украшают красивые чугунные ворота, сделанные из пролётов ограды старого парка, которая была копией ограждений дворцов французских королей...

Если Вы не поленитесь и пройдёте вслед за нами до конца улицы, то попадёте на один из старейших гродненских бастионов – Форт № 6. Правда, хотя он и расположен в двух шагах от конечной остановки троллейбусов, найти сам форт не просто. Для этого придётся ухитриться обойти стройку рядом с предприятием «Зов-мебель» и форсировать несколько сот метров непролазной грязи. И всё же, если вам это удастся, уверен, что открывающийся с его высот вид не должен разочаровать.

Идея строительства Гродненской крепости неоднократно выдвигалась на протяжении всего XIX века. Гродно едва удалось из-

План форта №6 «близ деревни Девятковка». Из Коллекции С.Пивоварчика.

Шестой форт – это памятник военного искусства. До нашего времени сохранилась значительная часть валов и рвов. В целом, гродненские форты выполняли роль позиций временного характера. Они были земляными, без блиндажей, недостаточно маскированы и очень скоро утратили своё оборонительное значение.

бежать участи старого Бреста, который по сути был стёр с лица земли в угоду стратегическим интересам Российской империи и превращён в крепость. Кстати, тогда всерьёз рассматривалось предложение расположить цитадель прямо на коложанском плато, что означало бы неминуемое уничтожение всего средневекового Гродно...).

Как отмечает в своей книге по истории фортификации в Беларуси С. Пивоварчик, план постройки укрепленной позиции рядом с Гродно был разработан ещё в царствование Александра II. Однако своего воплощения в жизнь он дождался только в 1887 году, причём строительство затянулось на несколько лет. Форт № 1, давший впоследствии название городскому микрорайону, располагался в урочище Пышки, остальные – на правом берегу Немана. Но ещё прежде, чем форты были достроены, военные

решили, что их количество недостаточно. В результате, к уже имеющимся пяти укреплениям в 1889-1891 годах добавлены ещё два. Кроме собственно форта № 6 в районе деревни Девятковка был построен форт № 7 (теперь это гаражная застройка напротив торгового центра «Корона»). В результате общая протяжённость кольца укреплений вокруг города составила около 14 километров...

Войсками они практически не использовались. Уже в 1912 году разрабатывается очередной проект строительства новых современных фортов, которые должны были заменить старые укрепления.

Правда, сегодня шестой форт ведёт единственное в своей истории сражение с наступающими в тыл корпусами мебельной фабрики и, кажется, пока что его проигрывает...

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОЙ ГОРКИ

Человеческая память – механизм капризный. Кто-то навсегда сохранил промелькнувшие мгновения и бережёт их как самое дорогое сокровище; кто-то постарался захлопнуть дверь в день вчерашний и прожил жизнь, так ни разу и не оглянувшись. Нам же остаётся только искать связь между «вчера» и «сегодня», путешествуя по лабиринтам чужих судеб, примеряя на себя код «Нового света»...

...«Золотая горка в Гродно? Где это?» - спросит кто-то. Иной, наоборот, закивает головой, мол, знаю, знаю... Собственно, был ли в городе район с подобным названием, мы утверждать не берёмся. Вполне возможно, что такой топоним и существовал, однако приходится с грустью признать, что в памяти самих жителей как этих домов, так и гродненцев вообще само название «потерялось» за давностью лет...

Впрочем, этот район между ручьём Юридикой и бывшей Грандичской заставой всегда отличался от улиц, лежащих ближе к центру, по которым мы уже успели прогулять-

ся. Ещё до конца XVIII века на пересечении сегодняшних Горького и Островского стояли открытые всем ветрам городские мельницы. Примерно тогда же город начинает осваивать подножье и самого холма. Правда, на этот раз из-за сложного, ломаного ландшафта архитекторам пришлось сразу же отказаться от привычной планировки, когда улицы сходились друг с другом под прямым углом, образуя правильные геометрические фигуры. В результате получилось нечто по форме напоминавшее... кусок торта, вершиной и одним краем лежащего на краю ручья, а двумя другими сторонами выходящим на Грандичский тракт и вла-

дения Друцких-Любецких. Со временем квартал «прирос» за счёт владений всё тех же князей Друцких ещё на целую улицу – теперь Островского, а в двадцатые годы – имени князя Юзефа Понятовского, но изначальной форме своей не изменил. Зато появились мириады улочек, которые разрезали район поперёк, образуя нечто наподобие лабиринта, хотя в них было куда больше симметрии, чем прежде...

«Золотая горка» всегда отличалась гармонией стиля и настроения. Она и сейчас проникает незаметно в вас, стоит свернуть с шумных магистралей в тенистые объятия Реймонта, пройти, не сбавляя шага, вниз по Славинского и Белинского или, наоборот, медленно подняться на самую вершину Островского. Здесь Гродно возвращает своё лицо после безликих новостроек теперешних окраин, а сердце переполняется необъяснимым спокойствием. Не случайно об этой части «Нового света» сохранилось больше воспоминаний, чем о каком-либо другом квартале нашего города: Георгий Моисеев, Здислав Ципельт, Юрий Гуменюк – каждый из них не раз прогуливался по этим улочкам, куда сворачиваем и мы...

От остановки «Центр занятости» по Держинского на улицу Мицкевича можно попасть двумя путями: в обход по улице 17-го сентября, либо, форсировав ручей внизу прямо за остановкой. Во втором случае вам, правда, грозит как минимум вымазать обувь и столкнуться с уставшими личностями со стеклотарой в руках, но взамен вам откроется совершенно сказочный вид на живописное русло Юридыки.

Мицкевича (первоначально улица называлась Суворовская) по праву можно считать одной из самых старых улиц на «Золотой горке». Сохранившаяся здесь до нашего

Улица Мицкевича на одной из самых ранних своих фотографий.

времени историческая застройка относится к XX веку. В основном это дома усадебного типа в стиле «кирпичной эклектики» и конструктивизма. Первое архитектурное вмешательство в планировку этой улицы произошло только в самом начале 1970-х годов, когда здесь расчистили место под скромный внешне дом областного начальства среднего калибра. Несколько лет назад случилась более серьёзная вещь: в ансамбль одно-двухэтажных домов впихнули здание банка. Причём, как и свойственно банкирам, на самом видном месте...

На сегодняшней Мицкевича жили член Городской управы Александр Восинский, семейства Бинасиков и фон Фоллендорфов, чей кирпичный дом под номером «тринадцать а» в глубине двора сохранился до сих пор. «*Патер фамилие*, – вспоминал Г. Моисеев, – был, несомненно, Петр Александрович. ...Это был большой и гостеприимный человек. В его семье жили с ним два его брата. Николая, которого мы прозвали «пиратский глаз» (глаз он потерял во время гражданской войны), мы уважали за его баснословную храбрость. Второго брата, Анатолия, мы обожали за его игры с нами в замечательном фоллендорфском саду, который, скорее всего, походил на парк.

...Супруга хозяина дома, Наталья Александровна, относилась к нам снисходительно, хотя мы часто вертелись в их старом большом доме. Ее основным интересом были спиритические сеансы. Сказать, что ее муж одобрял эти занятия, нельзя, просто он был благосклонным мужем-семьянином и не возражал против «духов и блюдечек».

С домом Фоллендорфов по Мицкевича № 13а связана и ещё одна необычная история. О ней в своих воспоминаниях рассказала Лариса Гарбар, которая приехала в Гродно вместе с родителями в конце 1950-х годов. «...Наша семья поселилась в двухкомнатной квартире сказочного двухэтажного особняка, увитого лианами и диким виноградом... - Читаем мы. - В нём было всего восемь квартир. Они никак не соприкасались. Сверху доносился бой часов, звуки неслышанного музыкального инструмента – фисгармонии. Дом утопал в зелени экзотических деревьев: куст грецкого орешника рядом с лесным орехом, яблоневые, грушевые, сливовые деревья разных сортов, кусты смородины, крыжовника – сказочный мир, который упирался в глубокий овраг. На дне его – поросший камышом и тиной зеркально-чёрный пруд».

Соседкой по дому семьи Гарбар оказалась необычная пожилая женщина, которую все вокруг называли не иначе, как «пани Олеша». «...Уважение, скорее глубокое почтение окружающих соседей, будоражило любопытство. – Вспоминала позже Лариса Гарбар. - Но интерес к её комнате описать невозможно. Всё, что я видела, слышала, читала там – это был совершенно другой мир. Дверь открывалась прямо перед зеркалом. Серебряное в чёрной деревянной раме, оно почти доставало потолка. А высота потолков была не менее четырёх метров. Мебель была царская – так говорила пани Олеша. Одежда была от царского портного, обувь – от царского сапожника, чёрная

Ул. Мицкевича, №13а, дом Фоллендорфов. Вид со стороны ручья Юридика.

бархатная шляпка, гарусная шаль. Постоянно звучала фраза: «Разве сейчас умеют так шить!» На высоком комодe – фотографии её мужа и дочери. Муж – красивый господин с пышными седыми усами был пьяницей и картёжником. Всё проиграл, умер и оставил её ни с чем. Дочь умерла от тифа по дороге в эмиграцию. Уезжали от большевиков из Одессы в Польшу. И только одной фотографии не было в этом маленьком музее памяти – фотографии любимого сына Юрика».

«Сын Юрик» – это никто иной, как знаменитый создатель «Трёх толстяков», писатель Юрий Олеша. Он сам о себе однажды сказал: «Когда я умру, обо мне в некрологе будет написано: известный русский писатель. Известный - это не талантливый или выдающийся, известным можно быть случайно, но что есть, то есть. И не русский советский писатель, а именно русский писатель. Это не одно и то же, чувствуете нюанс?».

Уже после смерти писателя его вдова забрала «пани Олешу» из Гродно в Москву. Правда, прожила она там недолго. «Слишком трудно было привыкать к новому месту, - пишет Л. Гарбар, - и тяжело оказаться в многоэтажном каменном доме, без сада, без подруг-сверстниц, без родного польского языка». И без ставшего родным кусочка «Нового света» – добавим мы.

Наверное, лучше всего, ёмко и прочувствованно о судьбе Ю. Олеси написал Борис Ямпольский: «Я не знал его в пору славы, молодого успеха, высокомерия, в годы "Зависти" и "Трех толстяков"; дружбы с Маяковским и Мейерхольдом, газетных интервью и театральных премьер, метафорической речи на Первом съезде писателей, когда после странной и страшной уничтожительной исповеди он уходил, провожаемый овациями, в пору бесчисленных планов, счастливых сновидений, дерзких выходов, "во всем блеске своего безумия и таланта". Нет, я узнал его в послевоенную пору возвращения из эвакуации, потери квартиры, забвения, нищеты, затравленности, не принятого временем, не принимаемого в расчет, загнанного в угол, в пору перелицовки "Идиота", починки и глажки чужих сценариев, автора цирковых реприз и авансов, в пору договоров, более похожих на подаяние, судебных повесток, кредитной рюмочки коньяка в кафе "Националь"; в пору славы ресторанныго акына, окруженного странными случайными субъектами, известного в Москве больше как человек из легенды, и в пору видимого и очевидного всем бесплодия и невидимого тайного расцвета, мучительного и не по правилам создания своей Главной книги, шедевра новой русской литературы "Ни дня без строчки"...

Раньше улица Мицкевича начиналась от большого деревянного креста, который стоял на месте сквера при пересечении Мицкевича и 17-го сентября. Во вторую немецкую оккупацию Мицкевича превратилась в Scholtz-Strasse. Был ещё один эпи-

зод, связанный с этим временем. Именно к перекрёстку у креста июньским днём 1941 года вышли встретить "освободителей от большевистского гнёта" фрау Кляйншмит, которая считалась «фольксдойчей», и её подруги, жившие по соседству. Немцы на мотоциклах и высоких конных повозках как раз остановились передохнуть. Им вынесли медный тазик с тёплой водой, чистые полотенца, даже предложили немецким офицерам "фирменный одекалон", оставшийся ещё с "польского часу"...

Вверх от Мицкевича мы поднимаемся живописной улицей Белинского – она же Николаевская, Славянская, Krasíńskiego, Brinkmann-Str., 326–Strasse. Это здесь в доме Томиничих по сегодняшнему адресу Белинского № 4 жил капельмейстер 102-го Вятского полка Бронислав Боревич – большой любитель фотографии, благодаря которому до нас дошли виды «Нового света» более чем полувековой давности. Белинского № 9 построил ещё в 1906 году Николай Максимович Римарчук. Этот дом и сегодня легко узнать по великолепной резной двери! Здесь, кстати, в 1930-я года снимал квартиру Станислав Живна – основатель гродненского природоведческого музея, о котором мы уже успели рассказать...

Пройдя по Белинского, мы снова попадаем на улицу 17-го сентября, но это уже совсем другая улица! В отличие от той её части, которая соседствует со Станиславово, и где начиналось наше путешествие, эта имела своё собственное, громкое имя – улица Пушкина! Правда, уже позже, она его едва

Бывшая мясная лавка Полудня

Дом по Мицкевича № 6 был построен где-то в 1930-я годы и был известен среди местных жителей, как мясная лавка Полудня. Кроме небольшого магазинчика с деликатесами, тут размещалось предприятие по изготовлению колбас и ледник в подвале. Здесь, кстати, сохранилась совершенно неожиданная примета прошлой войны: когда несколько лет назад со здания сняли указатель с названием улицы, под ним проступил старый немецкий адрес, который можно увидеть и сейчас (ОЧЕНЬ хочется верить, что работники коммунальных служб, если вдруг они читают эти строки, не решат восстановить «историческую справедливость и не скроют его под слоем свежей краски).

не лишилась: не случайно газета “Nowy dziennik kresowy” в 1930 году поместила заметку одной из читательниц, которая спрашивала, когда же “наконец”, будет изменено название улицы, которая носит имя “чужой для нас знаменитости”.

Жили на Пушкинской люди разных национальностей и занятий: в доме по сегодняшнему адресу 17-го сентября № 8 размещалась пекарня Любего. 17-го сентября № 13 построил директор единственной в 1920-е годы в Гродно белорусской школы Владимир Федорук – человек необычайно активный на общественном поприще. За свою жизнь он состоял членом более десятка различных белорусских организаций, в том числе – Гродненского отделения Белорусского института хозяйства и культуры, так называемого Бигика. Согласно А. Цихуну, в 1939 году бывший белорусский учитель был по доносу репрессирован ...

Рядом с Федоруками жили русские Ксёндовы, позже уехавшие в... Польшу! Дом по 17-го сентября № 17 принадлежал Иосифу Янушкевичу – почтовому служащему, а 17-го сентября № 19 – доктору Войтовичу. Многие из потомков семей с «Золотой горки», те, кому удалось пережить военное лихолетье, нашли себе приют далеко от родного порога, как, например, младший из Бинасиков, поселившийся в Калифорнии. А тот самый крест у дороги уже после войны спилили по распоряжению советских властей...

Для того чтобы убедиться в исключительности «Золотой горки», достаточно просто вспомнить некоторых представителей из числа городского и партийного начальства, которые здесь жили в советские годы. Уютный, тихий квартал с добротными особняками, оставшимися от прежних хозяев, как-то сам собой превратился в место пребывания новоиспечённых «вождей». Простые же граждане торопливо пробежали мимо, потупив взгляд, и не догадывались, какие драмы порой разыгрывались по ту сторону занавешенных окон...

Имя Сергея Осиповича Притыцкого хорошо известно далеко за пределами Гродно. В 1936 году во время судебного процесса он в зале суда стрелял в провокатора. За это С. Притыцкого приговорили к смертной казни, которую затем заменили на пожизненное заключение в польской тюрьме...

С приходом Красной Армии бывший политзаключённый становится высокопоставленным советским функционером и даже выдвигается на должность зампредела Белостокского облизполкома. В августе 1948 года Сергей Осипович заканчивает Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), а уже в декабре того же года становится первым секретарем Гродненского обкома партии. В Гродно С. Притыцкий поселился в доме по улице 17-го сентября № 10а – этот двухэтажный особняк в стиле конструктивизма да же сегодня сложно не заметить.

Именно на посту первого секретаря Гродненского обкома ему и пришлось столкнуться с всеильным министром государственной безопасности БССР Лаврентием Цанавой. Стоило С. Притыцкому даже в робких тонах усомниться в эффективности органов госбезопасности, как в ответ из Минска раздалось грозное требование о необходимости «укрепления руководства» Гродненского обкома. На С.Притыцкого полились потоки обвинений в слабости политической и хозяйственной работы. С. Цанова даже вручил первому секретарю ЦК КПБ письмо о «подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше!» За этим письмом последовали другие: о родственниках Притыцкого, о родственниках его жены и прочее.

Во время войны судьба, или более точнее – ЦК партии, вновь сыграла с ним злую шутку: С. Притыцкий, в прошлом активный член КПЗБ, назначается начальником Польского штаба партизанского движения. Как отмечает историк Э. Иоффе: «Этот период – самый малоизвестный в жизни Сергея Осиповича: о нём почти ничего не написано». И не удивительно, если вспомнить, что красным польским партизанам приходилось не столько сражаться с немецкими оккупантами, сколько бороться за влияние с польской же Армией Краёвой!

*Ул. 17 сентября, №10а.
Дом в котором жил С.Притыцкий.*

В конце концов первому секретарю пришлось оставить свой уютный дом на «Золотой горке» и уехать из Гродно – силы оказались неравными...

Что могут рассказать дома, имена прежних хозяев которых не всегда найдешь даже в архивах? Улица, которой нет ни на одной старой фотографии? Квартал, чьё название не сохранилось в памяти? Наша прогулка могла бы закончиться ещё и не начавшись, если бы не Юрий Гуменюк, собравший вместе воспоминания родных и знакомых, обрывки семейного архива и написавший книгу, посвященную прошлому бывших 11 listopada, Narutowicza, Poniatowskiego, Wilińskiej...

Здесь рядом долгие годы жили поляки Грабовские, Любомирские, Ивановские, Колловские, Радзвиновские, Рудницкие, фольксдойчи Кальхэрты, Кляйшмиты, русские Беклемешевы и Грибовы, белорусы Федоруки, татары Масловские и Шумские...

В небольшом домике, выкрашенном в синий цвет, на углу сегодняшних 17 сентября и Реймонта жил огородник Ликуза, который выращивал морковь, капусту, а после продавал на рынке. Дом по Реймонта № 4 принадлежал татарину Шумскому, отсюда такой замысловатый узор на входной двери в виде сплетённых звезды и полумесяца. Реймонта № 6 был построен примерно в 1932 году инженером лесного хозяйства Матковским. Позже он жил и умер в Ар-

гентине. Бывшая хозяйка Реймонта № 9, наоборот, приехала в город из Америки, где долгие годы зарабатывала тяжёлым трудом на свой дом. Вот семья Лютеровичей с Реймонта, а тогда Feldherrnstrasse, которые даже в оккупацию организовали в сарае на заднем дворе семейный театр, где роли исполняли обычно дети, а публика – соседи с ближайших улиц – сидели в огороде на лавках. Реймонта № 18 построил польский офицер Ежович, здесь в палисаднике всегда росли очень красивые розы.

Фрагмент входной двери дома Шумских по ул. Реймонта, № 4

Другой дом - по улице Реймонта, № 20, построил в 1935 году Савакий Шевченко – бывший член Киевской городской Думы в годы Первой мировой войны и украинский патриот. В 1920 ему пришлось бежать из Крыма, спасаясь от большевиков, на польском корабле. Сперва его не хотели взять на борт, но его друг, поляк по фамилии Вишневский, сказал: “Я без Шевченко не поеду”. Хозяин дома ничего с собой не взял, а только свитку, которая напомнила ему вдали о покинутой Родине. Вначале Шевченко устроился экономом под Люблином в полуразрушенном имении, а после переехал в Грод-

Ул. Реймонта, № 24.

но, где на купленном у Друцких-Любецких наделе земли поставил перевезённую из деревни хату. Позже рядом он построил новый дом, а старый стал сдавать польским чиновникам и офицерам. “Он не умел разговаривать по-польски, - вспоминала позже его супруга, принципиально говорил на русском или украинском, за что к нему часто цеплялись поляки”. Хозяин дома пережил и польскую власть, и немецкую оккупацию, и умер почти на закате Советского Союза в 1984 году...

Проходит время, меняются власти, но двухэтажные особняки гродненских инженеров Зелинского, Козловского, Высоцкого остаются настоящим украшением этой улицы ещё и сегодня. Во время войны на Реймонта квартировались офицеры Люфтваффе, которых позже сменили советские государственные и партийные работники.

Так бывшее владение семьи Высоцкого (его дочь после стала профессором литературы в Польше и работала в знаменитой Курницкой библиотеке под

Познанию) гродненцы постарше знают как «дом Клецкова». Первый секретарь обкома партии Леонид Герасимович Клецков был для советского Гродно фигурой знаковой. Хотя, как пишет в своей «Провинциальной саге» Александр Федута, в самом областном центре его не любили. «Гродненская интеллигенция не могла простить ему чего-то, чего сама в принципе даже сформулировать была не в состоянии. Ему ставили в вину даже супругу, Марию Прокофьевну, весьма энергичную даму, работавшую директором школы № 1; у школы был бассейн, собственная кабельная телевизионная сеть, первые компьютерные классы, спецклассы с углубленным изучением математики. Педагогическая общественность ворчала: легко содержать школу в порядке, имея такого мужа...

Сам Клецков в душе был аграрием. Разумеется, он понимал, что все гигантские стройки, которые были положены Гродно как областному центру, должны сдаваться в срок; он видел необходимость крупных заводов и в качестве фактического «хозяина» области он делал все положенное по должности: следил за ходом строи-

тельства, подбирал кадры, лоббировал интересы уже построенных предприятий в союзном «центре». Но развитие Гродненщины ему представлялось, скорее, по голландско-бельгийскому типу с развитым животноводческим комплексом, с высококонкурентной сельскохозяйственной продукцией... А еще он любил и умел работать с кадрами. Он подбирал таких же, как он сам – немногословных, уравновешенных. Это была часть общей партийной кадровой системы: абсолютному дураку выдвинуться не давали, но и умников особо не жаловали, заставляя поочередно проходить через все ступени номенклатурной лестницы...». «Клецков был частью системы, – заканчивает свой рассказ А. Федута, – а не бунтарем.

Он никогда не пошел бы против воли ЦК КПСС. И когда его час пробил, он не стал сопротивляться. Он получил напоследок мандат народного депутата СССР, выиграв выборы в каком-то захолустном округе, и приготовился сдавать дела...». Но сдавать, как оказалась, по сути было некому – эпоха Советского Союза клонилась к концу...

*Ул. Островского, №11.
Бывший дом Высоцкого.*

Напротив дома инженера Высоцкого перед войной жил учитель «прекрасной словесности», у которого, кстати, была богатейшая библиотека. Во время оккупации немецкие офицеры, занявшие особняк, приказали выкинуть эти книги на улицу. Уже в советские годы здесь поселился ещё один «большой человек» председатель Гродненского облисполкома Дмитрий Константинович Арцименя, трагически погибший в сентябре 1993 года...

И снова сошлёмся на А. Федуту. «...Личность покойного Арцимени мифологизирована до предела. Но сейчас, когда Дмитрия Константиновича уже ...нет среди живых, следует наконец вспомнить и о том, каким он был руководителем. Соседи-поляки, вспоминал он, приезжавшие в составе официальных делегаций, вежливо именовали Дмитрия Константиновича "паном воеводой". ...Он действительно был Хозяином области. ... Над губернатором ли, воеводой ли – над Арцименей начальства не было. Он не зависел уже ни от избирателя, ни от "центра", а только от Бога. ...И когда пуля настигла его во дворе собственного дома, он пытался зацепиться за землю, захватив ком земли слабеющими руками. Не помогло»...

...У кого-то отделение эндокринологии по улице Островского № 15 – это тревожное

ожидание результатов медицинских анализов; для кого-то – это один из ярких примеров стиля «деревянного» конструктивизма. А ещё в этом доме по воле истории незримо сошлись два, казалось бы, несовместимых полюса – врач и убийца...

Этот дом почти перед самой войной построил гродненский доктор по фамилии Беклемишев – представитель очень уважаемого и знатного рода. Но в апреле 1940 года доктор был арестован органами НКВД и выслан в Казахстан как чуждый классовый элемент. Рассказывают, что прощаться с любимым врачом пришла вся улица...

А чуть больше чем через год власть в городе вновь поменялась, и в дом въехал новый, страшный хозяин - унтерштурмфюрер (лейтенант) СС Эрих Шот. У входа в своё жилище эсэсовец держал огромного бульдога, натасканного хватать каждого, кто неосторожно приблизится к дверям, а в самом доме терпеливо ждал возвращения своего покровителя целый гарем «рабынь любви». Стоило девушкам услышать на улице звук мотора его авто, как они открывали окна и встречали его... радостным пением.

По праздникам Шот любил для эффектности пользоваться услугами одного из местных извозчиков, который зимой ездил в красной шубе местного раввина, будто бы подаренной ему самим эсэсовцем после «зачистки» гродненского гетто. Люди, правда, поговаривали, что извозчик тот был связан с партизанами и специально приставлен к эсэсовцу. У этой истории, однако, был собственный, неожиданный финал. Летом 1944 года сам палач успел уже сбегать, а советских солдат

*Островского № 15.
Дом врача Беклемишева*

ещё в городе не было. Тогда под дом, предупреждённые, видимо, своим товарищем, вдруг прибыли извозчики, большинство из которых, кстати, были из пригородных Переселок. Несмотря на страшную стрельбу вокруг, они ломанами высадили двери и набрали из оставшегося после немца добра столько, сколько только могли увезти...

...Какова была участь унтерштурмфюрера СС Эриха Шота, мы не знаем. Как не знаем и судьбы самого доктора Беклемишева. Среди старшего поколения гродненцев, правда, сохранилась легенда, что доктор пережил ссылку, переехал в Москву и там со временем вернул былые почёт и уважение, дожив до профессорского звания. К сожалению, народная молва, скорее всего, здесь ошиблась, перепутав его с профессором МГУ, лауреатом Сталинской премии в области зоологии Владимиром Николаевичем Беклемишевым, который, кстати, также был родом из Гродно...

Выше по улице, по чётной стороне, до войны были построены дома для польских офицеров гродненского гарнизона. Здесь же, но уже после войны, поселился Семён Яковюк, человек, чьей богатой биографии хватило бы с лихвою на несколько авантурных романов. В своё время был он и военным инженером, и депутатом польского Сейма, и белорусским политическим деятелем, и агентом ЧК, и председателем Белорусского культурно-просветительного товарищества в Литве, и директором мебельного магазина, откуда его уволили за то, что продавал по завышенным ценам новогодние ёлки и деревянные кровати...

Вниз по улице, возле теперешней детской поликлиники, в 1930-е годы жили Сороки, Гуменики, Коловские. Через дорогу от них - дом инженера-железнодорожника по фамилии, вот же ирония судьбы,... Островский. Именно тут, в подвалах в июле 1944 года соседи

Бывший дом инженера Островского на улице писателя Островского.

спасались от бомбёжки. И спаслись. Дом устоял, своды выдержали. Правда, теперь старый особняк медленно, но верно разрушается, не найдя постоянного хозяина.

Рядом, на месте бывших огородов, выкупленных когда-то за огромные деньги у князей Друцких, сегодня раскинулись корпуса детской больницы, которую уже и саму впору заносить в число исторических достопримечательностей. Так и хочется попросить рабочих, корчующих, расчищающих старые аллеи: «Оставьте, пожалуйста, вот этот чугунный фонарь в тени развесистого каштана. Он ровесник здания у вас за спиной. Таких просто в Гродно больше не осталось – фонарный столб полувековой давности в стиле сталинского ампира, украшенный литыми деталями. Совсем в стороне от главного входа, никому не мешает». А вместо этого, каждый раз, когда снова здесь проходишь, гадаешь, а стоит ли ещё и сам каштан...

Оказавшись на перекрёстке улиц Горького и Островского, есть от чего растеряться.

Отсюда старый Гродно виден, как на ладони, и живописней панораму города трудно даже вообразить. Глядя на эти каменицы и храмы, так и хочется поскорее окунуться с головой в прошлое этих улиц и площадей, успеть рассмотреть их вблизи. Вместо этого мы спешим вдоль шумной магистрали прочь, на самую окраину. Спешим, чтобы, как обычно, отыскать начало нашего кода...

ТОЧКА ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ...

*«Дровяной рынок».
Фото 1930-х годов.*

От деревни Грандичи к Гродно ведёт прямая и широкая дорога. Сегодня – это улица Горького, а раньше – публичный тракт от местечка Мереч, Грандичское шоссе. Шоссе заканчивалось при улице Калиновского и одновременно давало начало городской улице: Меречская застава, Грандичская застава, Grandzicka, Hochmeister strasse. Сама улица отличалась от шоссе поверхностью. Она была

выложена брусчаткой-«брукованкой», а шоссе – шутрована. Именно здесь, на стыке улицы и шоссе, красавицы из ближайших деревень останавливались, чтобы стряхнуть пыль с ног и надеть обувь. В те времена хождение босиком в деревне и в городском предместье было явлением довольно распространенным. Представительницы же забытой нами сейчас профессии молочниц чаще всего шагали без обуви, неся за плечами или перед собой бидоны с молоком и литровой меркой. В обуви ходили в костёл, по чиновничьим

кабинетам или «в гости». Хотя, конечно, более состоятельные крестьяне ходили обувными, особенно если ехали на телеге или в фурманке по делам...

Окончательно Горького сформировалась в середине XIX века. Правда, как ни странно, улицу также можно отнести ещё к одному наследию эпохи А. Тизенгауза, о чём мы сегодня совсем забыли. Подскарбий считал дороги одним из главных условий экономического успеха и старался содержать их в хорошем состоянии, выпрямляя и расчищая. Один из путешественников, посетивший в 1793 году Гродно, писал, что сейчас же за городом начинается широкая мощёная дорога, обведённая с обеих сторон рвами и окаймлённая деревьями. «Эта дорога, – добавлял он, – дело рук неутомимого Тизенгауза».

...Бригадный генерал, пилот-испытатель, а ещё художник, иллюстратор множества польских книжек для детей и взрослых, Здислав Ципельт навсегда сохранил в своём сердце облик родного и бесконечно любимого им Гродно. Здесь, на окраине Нового Света прошло его детство и юность. Перечитывая в который раз его воспоминания о том прошлом времени, словно путешествуешь в параллельных измерениях. Вот и мы, отправляясь вниз по Горького, как-то сразу и незаметно попадаем на Грандичское шоссе, спускаясь от Золотой горки к Дровяному рынку...

...На углу сегодняшних Горького и Островского жила чета Филяковских, а там, где сегодня гостиница «Беларусь», через дорогу от еврейского кладбища, был магазин Вашкевича. Напротив, за высоким забором, располагались особняки военных. Один из них – каменный дом по адресу Горького № 47а, пример стиля сецессия, – ещё и сегодня украшает этот уголок Гродно. Здесь же, прямо на нынешней улице Островского, в конце 1930-х годов тренировался известный гродненский атлет Витольд Геруто.

В июле 1914 года под негласный надзор полиции был взят учитель реального училища Альберт Цильке, который жил как раз напротив еврейского кладбища. Всё его преступление заключалось в том, что он занимался дрессировкой голубей и вывешивал поэтому на своём доме время от времени белый флаг. Этого оказалось достаточно, чтобы заподозрить учителя в шпионаже в пользу Германии...

По Грандичскому шоссе до перекрёстка с сегодняшней улицей 17 сентября вёл спуск вдоль высоких тополей, которые закрывали ближайшие домики. Когда-то, ещё не так давно, тут можно было забегать за свежей сдобой в магазин «Горячий хлеб» – бывший дом семейства Пашковичей, построенный ещё в 1936 году. Во время немецкой оккупации здесь размещалась явочная квартира гродненских подпольщиков.

Напротив, через дорогу, в доме, который ещё и сейчас стоит, располагался магазин колониальных товаров Канеля. Дочка хозяина училась игре на

В последние несколько месяцев своего существования, этот дом по Горького № 29 превратился в символ борьбы за сохранение исторического наследия Гродно, пока 6 октября 2006 года в 8 часов 45 минут он не перестал существовать...

Бригадный генерал, пилот-испытатель, а ещё художник, иллюстратор множества польских книжек для детей и взрослых, Здислав Ципельт в 1939 г.

скрипке, часто репетируя перед открытым окошком, а рядом сидела её старая бабушка, отгоняя назойливых мальчишек, прибегавших послушать юную исполнительницу. Дед знакомого одного из авторов – крестьянин из Гожи, вспоминал, что когда приезжал в город по делам, то всегда оставлял подводу у Канелей. Во время войны, когда евреев отселяли в гетто, он собирался спрятать у себя в деревне внучку Канеля, но не решился...

Отсюда вся семья и ушла вместе в гетто, чтобы больше уже никогда не вернуться...

В следующем доме когда-то находился магазин Маламеда, в котором можно было купить сотню очень нужных мелочей – от тесьмы и финских ножей до фонариков. Хотя сам хозяин и был евреем, торговал он и свечами «до комунии», тем более, что конкурентов у него в этом районе не было. Пройдя пару шагов дальше, вы по ступенькам спускались к пекарне, в которой на листьях хрена выпекали чёрный хлеб, такой, что даже через много лет, проведённых вдали от Гродно, нельзя было забыть его вкус...

«Как раз напротив улицы Резницкой, – вспоминал Здислав Ципельт, – в одном из более заметных домиков находилась аптека пана Юдейки, оборудованная по-современному, со светлой мебелью и рядом таинственных, чёрных надписей на белых табличках. Тогда в аптеку заходили с молитвою, с непокрытой головой, пусть даже только для того, чтобы купить леденец-«петушок» или бутылочку с ненавистным рыбьим жиром...». Аптека Генриха Юдейки была открыта осенью 1936 года, а уже через три года её хозяин получил концессию от городских властей на обслуживание местной больницы.

После войны аптечное заведение пана Юдейки превратилось во вторую городскую аптеку. Здесь даже была открыта лаборатория по производству медпрепаратов, в ассортимент которой входили настойки, капли, спирты, мази и пластыри. Только в 1954 году аптека произвела около... 15 тонн лекарств. Из-за нехватки площадей, планировалось «организовать ассистентскую комнату за счёт переданной решеннем горисполкома второй половины дома». Правда, аж до 1963 года аптека,

*Ул. Горького, № 23.
Бывшая аптека Юдейки.*

Фото родного дома из семейного альбома Янушкевичей

которая производила стерильные лекарственные средства, имела в своём распоряжении только... водопровод. Приходя зимой на работу, её сотрудники начинали с того, что топили печь и разогревали паяльной лампой замёрзшую за ночь воду в кранах.

Ещё одной приметой того времени были социалистические соревнования. Очень часто смотры аптек были приурочены к разного рода праздничным датам, вроде юбилея Октябрьской революции или годовщины со дня завершения Великой Отечественной войны... Коллектив, который занимал первое место, награждался переходным Красным Знаменем и премией в восемь рублей для каждого из работников. За второе место присуждались почётная грамота и шесть рублей, за третье – только грамота...

Были ещё и "творческие наряды", на которых выяснялась "персональная ответствен-

ность каждого работника за выполненную своей работы". Кроме того, заведующие аптек должны были вести наглядный стенд с вырезками из "Правды", "Известий", местных газет и журналов, которые потом хранились в специальной папке. При этом, однако, одинокие люди могли рассчитывать на доставку медикаментов на дом, а тяжело больные получали сообщения о наличии лекарств по телефону, если у них, конечно, он был...

По мере того, как мы вновь приближаемся к центру, оживает и пейзаж вокруг нас. Если встать на перекрёстке улиц Горького и Мицкевича лицом к площади Тизенгауза, то с правой стороны, там, где теперь возвышается административное здание, в начале прошлого века находился Дровяной или, как его ещё называли, Грандичский рынок.

Вот как его вспоминает З. Ципель: «В торговые дни сюда съезжались фуры из соседних деревень с порезанными колодами де-

ревьев. Большая фура дров, подвезённая к самому дому, выгруженная и сложенная в сарай стоила около 10 злотых. На рынке часто можно было встретить еврейских перекупщиков, покупающих в конце дня фуры дров, чтобы на следующий день перепродать их с выгодой. На самих телегах часто сидели деревенские бабёнки, продавая яйца, масло или сметану со вкусом, который сегодня уже не встретишь. ... Перед самым Рождеством на Рынке дров продавались ёлки, красивые, дородные, до трёх-четырёх метров высоты. Потолки в квартирах были тогда другой высоты, чем сейчас. У тех ёлок был чудесный запах, и они не засыхали через два-три дня. Тепло, идущее от разогретых печей, не так высушивало воздух, как батареи».

В 1930-х годах на углу сегодняшних Мицкевича и Горького стоял магазин с деликатесами пана Яблонского. На его витрине обычно красовался аппетитно запечённый поросёнок с яблоком во рту. Довольно часто рядом с магазином можно было увидеть две-три телеги возвращавшихся из города крестьян. Кони стояли, трясая закинутыми на морды мешками с сечкой, пока их хозяева угощались у пана Яблонского глотком «горькой», обмывая удачные и не очень сделки.

Почти напротив, на другой стороне Грандичской улицы, размещалась мастерская сапожника, человека исключительно радужного, но зато беспрестанно дымящего табакком. Георгий Моисеев вспоминал, как однажды зимой, бросаясь с друзьями снежками, разбил витрину его мастерской, за что получил

хорошего нагоняя дома. Но сам сапожник отнесся к несчастью очень благосклонно: он попросил родителей мальчика не наказывать сына, а только возместить расходы на новое стекло. На другой день сапожник, увидев виновника с товарищами, идущими в школу, позвонил им и прочел милое наставление, после которого те так смутились, что не могли вымолвить и слова, а их уши и лица горели от стыда...

В конце августа 1939 года, в канун Второй мировой, рынок изменился до неузнаваемости. Здесь рыли окопы в полный профиль размером так человек на сто. Правда, им не суждено было пригодиться: судьбе было угодно сохранить этот район Гродно от военных разрушений. Чего нельзя сказать о дне сегодняшнем, когда почти уже окончательно принято решение возвести на месте неперспективного квартала престижное и дорогое, уж точно не по карманам автора, жильё...

Правда, на карте 1824 года это же самое место обозначено как застава с караульной и шлагбаумом при въезде в город, откуда и пошло первоначальное название самой улицы – Грандичская застава. Кстати, с заставой, хотя, скорее всего, она уже тогда была чуть выше по улице, связана и одна курьёзная история. Во время немецкой оккупацией в Первую мировую войну, во избежание засилия спекулянтов, оккупационные власти старались держать под кон-

тролем весь рынок продуктов и тщательно проверяли, кто и что ввозил в Гродно. Понятное дело, что местные жители всеми правдами и неправдами старались, наоборот, пронести хоть что-то на

продажу, раз уж дело сулило неплохие барыши. И вот однажды, в году так 1918, из Грандичей в Гродно направлялась похоронная процессия с телом скончавшегося накануне приходского священника, которую сопровождало несколько десятков возов с опечаленными прихожанами. Каково же было удивление постовых на Грандичском шоссе, когда они обнаружили, что каждый из извозчиков не забыл подложить себе под мягкое место по мешку с зерном – видимо, для удобства. Как говорится, “Богу Богово, а...”

«...Улица Грандичская, – вспоминал Здислав Ципельт, – была высажена тополями и липами, в некоторых местах даже в два ряда... Когда Вы спускались по ней, то с левой стороны приходилось идти мимо обширного овощного огорода и сада, а с правой – поросшей деревьями территории построек военной жандармерии, в которых раньше располагалась больница. Там, за оградой, среди деревьев стояли массивные здания из кирпича, в которых жили

семьи военных. Эта территория была окружена ограждением на фундаменте и живой изгородью...».

Собственно, история самой окружной лечебницы берёт своё начало ещё в июне 1838 года. Правда, первоначально она находилась в доме Фрумкина (сегодня это здание по Ожешко № 9). И только когда больницу возглавил Николай Дмитриевич Беклемишев, ему после почти десяти лет уговоров удалось убедить местные власти решиться на строительство нового здания. Стройка началась в 1895, и всего за два года по проекту архитектора М. Плотникова и инженера Л. Семёнова был возведён настоящий больничный городок более чем на сотню коек.

Под началом Н.Беклемишева работали ординатор, он же городской врач, А. Сикачинский, врач по вольному найму Е. Горский, фельдшеры Г. Шилов, М. Демьянюк, А. Волчек, А. Протоковский, Н. Горская, сестра милосердия Н. Шилова. Лечебница включала в себя сразу несколько отделений:

Всего за два года по проекту архитектора М. Плотникова и инженера Л. Семёнова был возведён настоящий больничный городок более чем на сотню коек

хирургическое, терапевтическое, инфекционное и венерическое, для каждого из которых был отведён отдельный корпус, организованный по клиническому типу работы. В хирургическом отделении была обустроена самая современная по тому времени операционная. Здесь же проводили практику будущие фельдшеры и акушеры, которых так остро не хватало в Гродненской губернии. При лечебнице были открыты собственная аптека и бактериологический кабинет, позже преобразованный в губернскую лабораторию санитарных исследований.

Во время Первой мировой войны, в 1915 году персонал лечебницы был эвакуирован в Калужскую губернию, после чего в её помещениях был размещён 221-ый полевой запасный госпиталь. Последний руководитель лечебницы Н. Беклемишев умер весной того же года от разрыва сердца прямо в пути и был погребён вблизи железнодорожной станции Судимир.

Начиная с этого времени и до сих пор большая часть медицинских корпусов используется под военные нужды. Дольше всех, начиная с осени 1944 года, здесь прописался Гродненский погранотряд. Достаточно сказать, что тут с 1946 по 1950 год служил легендарный советский пограничник Герой Советского Союза Никита Фёдорович Карацуца, задержавший за всю свою службу около полутысячи нарушителей...

“Точка ещё не конец дела...” эти слова принадлежат Дмитрию Михайловичу Милютину, человеку более чем заслуженному перед Гродно, но, увы, чьё имя сегодня почти забыто. Он поселился на Грандичском шоссе в доме Борковской, примерно там, где сейчас стоит здание УПК, как раз напротив бывшей лечебницы.

Дмитрий Милютин был старшим сыном в семье пономаря собора в Великих Луках и с ранних лет познал слово труд в полном его понимании. После окончания духовного уездного училища Дмитрий поступил

Никита Фёдорович Карацуца (1910 – 1994)

Легендарный советский пограничник. За 20 лет службы на границе участвовал в 120 столкновениях с врагами, задержал 338 нарушителей границы, уничтожил 129 шпионов и диверсантов, не сложивших оружия.

в Псковскую духовную семинарию. Позже закончил Петербургский университет и более двадцати лет преподавал в Торопце, Седльцах, Хелме, Варшаве. Обстоятельства его переезда в Гродно мало известны, по крайней мере, исследователь жизни Д. Милютина В.Н. Черепица о подробностях умалчивает.

В сентябре 1904 года статский советник и бывший инспектор Варшавского реального училища подаёт прошение принять его на должность преподавателя истории в местной женской гимназии. Спустя несколько лет, Д. Милютин переводится учителем русской словесности в только что открывшееся реальное училище, а его супруга работает преподавателем рукоделия в одной из частных гимназий....

Но куда более интересным представляется его творческая деятельность. Ещё в Варшаве Д. Милютин пишет свою первую работу на тему... celibата католических священ-

ников в Польше. Но только в Гродно, на закате своей педагогической карьеры, ему удастся реализовать свою давнюю мечту. В возрасте почти семидесяти лет Д. Милютин выпускает книгу "Осада Великих Лук Стефаном Баторием". Можно только догадываться, о чём он думал, описывая город своего детства – Великие Луки и при этом разглядывая руины замка в Гродно, построенного тем самым королём...

Вскоре историк начинает печатать на страницах «Гродненских губернских ведомостей» подборку статей на тему «Гродно в 1794, 1795 и 1796 годах», позже вышедших отдельной книгой. Затем появляются его публикации, посвящённые основоположнику славянофильства А. Хомякову и вопросам славянской колонизации территории Северо-Западного края, политике Екатерины II и церковным школам Гродненской губернии, событиям Северной войны и ещё многому другому. Но хотя Д. Милютин и был приверженцем российской державности, которую всячески пропагандировал в своих работах, при этом он отрицал тождественность Гродно над Неманом с Гродно из древнерусских летописей, что также весьма характерно. Ведь согласись он с доводами своих оппонентов, и «Русь» почти на целое столетие раньше появилась бы на берегах Немана, а это было бы куда как приятно для сердца славянофила. Но Д. Милютин писал только то, в чём был убеждён, тогда как древнерусский Гродно ещё только предстояло открыть... польским археологам...

Правда, нынешняя улица Горького потеряла часть своего прежнего обличия. Ещё до начала XX столетия вдоль улицы тянулся глубокий овраг, который выходил прямо к Городничанке. По одну его сторону располагались кварталы «Нового света», а по другую начинались пригороды – «Загородная слобода» и Переселка. Долгое время

главными «достопримечательностями» Загородной слободы оставались глиняные карьеры рядом с кирпичными заводиками да еврейское кладбище. Позже к ним добавились резня, кожанная фабрика и городская больница, а уже в конце 1920-х годов на месте пересечения сегодняшних улиц Лермонтова и Горького было построено двухэтажное здание Корпуса пограничной охраны...

Городские окраины – это острова, разбросанные вокруг архипелага-метрополии. Здесь свой собственный, складывавшийся десятилетиями уклад. Здесь иные герои, и они не спешат выходить на всеобщее обозрение. «Своих» здесь знают в лицо, потому-то и прошлое имеет тут иной, иногда совсем неожиданный оттенок. Вот так незаметно подходит к концу и наше путешествие. Может быть, мы и не открыли «Новый свет», но хочется, чтобы он стал для кого-то ближе хотя бы на пару шагов. Отсюда одинаково легко можно попасть как в центр города, так и туда, где когда-то были окраины Гродно. Но куда бы мы ни направились, в какую сторону ни свернули бы с «Нового света» - повсюду нас ждёт встреча с «её величеством Историей»...

СОДЕРЖАНИЕ

«Новый Свет» и его окрестности.....	3
...От «Крыжоў » на «Новы свят».....	5
«Хорошая» улица.....	11
Самая крайняя улица.....	15
Между Волковича и Ботанической.....	18
Улица одной двери.....	23
Многоликая академическая.....	24
С Богдановича на Первого мая.....	31
Приметы прошлого.....	39
В поисках «Золотой горки».....	49
Точка еще не конец.....	59

